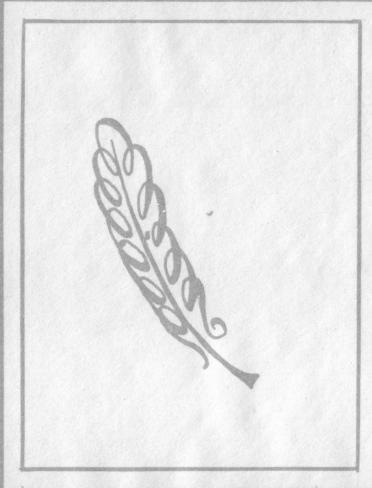

МИСАК
МЕЦАРЕНЦ

Two large, ornate, cursive-style letters, 'М' and 'У', positioned side-by-side within a rectangular frame.

РМЯНСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

МИСАК
МЕЦАРЕНЦ

Зимняя ночь

Ереван «Советакан грох», 1987

**ББК 84 Ар1
М 552**

Перевод с армянского

Предисловие Р. Давояна

МЕЦАРЕНЦ М.

М 552 Зимняя ночь: Стихи. /Мисак Мецаренц; Пер. с арм. Г. Кубатьян и др.; Предисл. Р. Давояна.— Еր.: Совет. грох. 1986. — 144 с.

Настоящий сборник впервые представляет отдельным изданием на русском языке творчество выдающегося армянского лирика Мисака Мецаренца (1886 — 1908). В сборник вошли стихотворения из книг «Радуга», «Новые песни», «Сердцебиение» и другие, многие из которых переведены впервые.

М — 4702080100(514)
705(01)86

ББК 84 Ар1

© Издательство «Советакан грох». Перевод, предисловие, оформление. 1987.

СТАТЬ БЫ МНЕ!..

За свою очень короткую жизнь и неимоверно короткую поэтическую жизнь Мисак Мецаренц вновь доказал, что поэтом, во-первых, нужно родиться, а, во-вторых, что простотой и мастерством стихотворного искусства, приобретаемого подчас десятилетиями, как говорил Чаренц, «в муках ученья», можно овладеть и за невообразимо короткий срок. Так что иногда невольно начинаешь думать — мастерство также сродни врожденному таланту стихотворчества, а то, что приобретается со временем, — всего лишь способ, позволяющий среднему дарованию войти в общее русло поэтического течения.

...Еще не испытав сполна на себе влияния общественных, экономических и политических условий и не примкнув к национально-освободительной борьбе своего народа, еще не успев провести через собственный жизненный опыт и не утвердив в себе вековые достижения мировой поэзии, не познав радостей и горестей полнокровной любви, Мисак Мецаренц вошел в армянскую лирику как большой и самобытный поэт.

На свете, к счастью, много великих поэтов, и хотя нельзя назвать беспрецедентной раннюю смерть Мисака Мецаренца (вспомним его гениального предшественника — Петроса Дуряна), хотя мы глубоко сожалеем о кратковременности физического существования всех этих замечательных людей (как бы долго они ни жили), другая, более пронизывающая боль и сожаленье невольно превращают нас в мудрецов. Получается, что мудрецы и умудренные жизнью поэты передают нам смысл бытия гораздо медленнее, труднее, нежели несправедливо прерван-

ная жизнь, которая с момента своего прекращения беспрестанно кровоточит перед глазами у человечества.

Мы противимся, не принимаем этой жестокой истины, хотя, как я уже сказал, именно так обретаем мудрость. Нам бы следовало как можно дольше наслаждаться радостью поэзии — точно так же, как мы радуемся матери-природе. Эту радость нужно не раздумывая предпочесть душепитательному сожалению о проходящей жизни или стенаниям о сущности бытия.

Хочу сказать, что тот протест против несправедливости и зла, то негодование и скорбь о мимолетности жизни, которые должны были, так сказать, преисполнить мудрости поэзию Мецарапца, нашли свое отражение в прерванной жизни маленького мальчика из сказки, нашего младшего брата, и сказка осталась незавершенной, поскольку рассказчика нет. Этой незавершенной сказке уже сто лет, и в ней заложено начало для новых столетий. А поэзия его стала для нас лучезарным светом, сумевшим за короткий миг жизни высветить кровную связь чудо-сына природы, деревенского юноши с матерью-природой, оттенить полученное в наследство от природы страстное стремление его творить добро («Стать бы мне, стать!..»). И хотя очень и очень многие его вещи остались незавершенными, однако воинствующее невежество и вечно бодрствующая бесталанность не упустили возможности объявить ему настоящую войну — даже за такой быстротечный период; страшно раздраженные и раздосадованные его существованием, они еще раз подтвердили тем самым свою мимолетность и его вечность.

Мецарапц писал стихи всего семь лет. Его миро-

ощущение — самый чуткий способ воссоздания мира природы во всем богатстве ее проявлений. Этот способ одновременно является и самым ответственным, поскольку такое воссоздание должно заменить собой все то, что осталось неосуществленным. Его лирика в тематическом и эстетическом смысле представляет собой прямолинейный процесс — с невообразимо изысканными и причудливыми колебаниями, с проникновениями и смещениями, которым органически чужда какая-либо грубость, фальшив в цвете и образах и для которых основной движущей силой является Жажда Любви, недосягаемое стремление к извечному свету, освещавшему жизнь юного Мисака только в его поэтических грезах. Направления его тоски ведут к любви. Они изменчивы и неуловимы, чисты и невидимы, они зовут и исчезают... и поэт подсказывает нам это, воссоздавая природу преимущественно в ее чувственных проявлениях. Все, что возникает и существует в ночи — феи и лесные духи, русалки и домовые — есть движение его души, герои, действующие в этом движении. Чтобы выяснить их происхождение, достаточно посетить родину поэта — Бинкян — и его детство, которое, в сущности, было прервано у него на родине, прервано ятаганом, вложенным в руки курдов Дерсима. Село Бинкян округа Акна провинции Харберд Харбердской губернии Западной Армении было расположено на берегу Великого Евфрата. Настолько прекрасно описание села в воспоминаниях современников, настолько могущественно и независимо оно, что по меньшей мере оставляет впечатление крепости-государства. И действительно, это крепость-государство — со своим автономным хозяйством и культурой, со своими тружениками и интеллигенцией, ко-

торые, однако, в минуту грозящей опасности становятся ее защитниками, ее войском. Это крепость-государство, имеющая свои законы и даже свои деньги, которые в селах округа, расположенных в радиусе шестичасовой езды, считались действующими денежными знаками. Это, наконец, крепость-государство, имеющая свою родовую гордость, до такой степени высокую, что государственному сборщику податей не позволялось показываться в своем непримлемом обличье на площади села, чтобы его чуждый вид не смущал и не оскорблял их невесток и дочерей, а поместив его в отдельной комнате, накормив и напоив его, бинкянцы собирали подать, взваливали ему на спину, отводили с завязанными глазами до пятидесятиметрового деревянного моста, перекинутого через Евфрат, открывали железные ворота, расположенные по обоим концам моста, сказав: «Уходи», затем снова накрепко запирали ворота перед курдскими сворами Дерсима, которым все окружающие села платили дополнительную дань — все, кроме села Бинкян.

Казалось, это имело одно назначение — чтобы внутри крепостных стен, защищающих от ветров и гибельных суховеев, в дворцоводобных домах Мецатурянов мог родиться Мисак Мецаренц, которого укачивали колыбельные песни и древние сказания, исходящие из уст матери. Именно из этих сказок пришли в стихотворения Мецаренца феи и русалки, ставшие друзьями юного поэта, сестрами милосердия и подругами, сочувствующими и несущими ему утешение в те минуты, часы одиночества и тоски, когда он, врающая свое «веретено шелковой мечты» и «прядя шелковую нить своей души», создавал чисто мецаренцевскую, нежную, как шелк, лирику.

Нет, не возраст был, по-видимому, причиной того, что он в своих стихотворениях не коснулся национальной темы, в частности, темы национальной трагедии и борьбы. Больше половины произведений Петроса Дуряна, прожившего на два года меньше, посвящено армянскому горю и армянской судьбе. Мы все хорошо помним чаренцевскую характеристику Мисака Мецаренца: — в мире резни, крови и борьбы «...он пел Солнце и весну, этот большой гениальный юноша».

В мечтах и чаяниях поэта должны быть отражены в первую очередь чаяния его народа, его нации, что, как мы знаем, отсутствует в лирике Мецаренца. Как понять это обстоятельство? Насколько самостоятелен был Мецаренц в своем выборе? Не был ли этот выбор продиктован временем и окружающей средой? Дошел бы он до своей «Страны Наири», как дошел до нее Терян? — это тот немой вопрос, с которым мы непременно сталкиваемся, когда приобщаемся к наследию Мецаренца. Однако какое-то интуитивное, безобманное чувство подсказывает мне: да, Мецаренц должен был дойти до своей «Страны Наири» и должны были родиться более глубокие, более проникновенные стихи — если иметь в виду, что когти гамидовской тирании также терзали душу юного Мисака, вывешивая замки ужаса на двери и окна, открывающиеся в нем для истории армянского народа, его национально-освободительной борьбы.

Мисак Мецаренц родился в 1886 году; ему было всего десять лет, когда его родной Бинкян был предан огню и мечу, превращен в руины и пепел, между тем как в той же Западной Армении, в школе города Сваз, где он обучался, дисциплина предписы-

вала множество различных запретов, в том числе — на любую форму национального движения. К этому следует добавить и тот злополучный случай, когда какой-то мальчишка-турок ударил пятнадцатилетнего Мецаренца ножом в спину, что явилось причиной частых рецидивов воспаления легких и привело к ранней смерти. Мецаренц ни разу не упомянул об этом — мы не знаем почему, по какой причине он так и не вспомнил этого турчонка, который унаследовал от своих дедов и отцов способ вершить человеческие судьбы с помощью ножа? Только в последние дни своей жизни написал он стихотворение «Песня», которое очень близко духу фидаистских повстанческих песен — не только своим содержанием, но и формой и композицией.

*Сестра, подойди к огню,
Вдохни душистый этот запах,
Поскольку все сущее снова
Запах крови во мне возвращает.*

*Сестра, вложи в мои руки
Богопламенное ружье,
Поскольку все сущее снова
Мне напоминает месть крови.*

(Пер. подстрочный)

Запах, вкус, цвет, голос крови, пролитой им самим и его народом, заставляют его протянуть руку, руку безгранично доброго ангела природы, к «богопламенному ружью», потому что кровная месть не дает ему больше покоя. И рядом с нежными, лучезарными мецаренцевскими образами внезапно возникает исполненный горечи и недоброго предчувствия образ: «Луна — вытекший глаз моей задушенной родины». Это позволяет нам утверждать, что Ме-

царенц ушел из жизни именно в тот миг, когда посмотрел в лицо своей истерзанной родины и протянул руку к «богопламенному ружью». То есть это был тот самый миг, когда ангелы любви должны были облачиться в воинские доспехи, и нетрудно представить, какой клич о свободе народа должно было издать горло-ружье Мецаренца.

Лирика Мецаренца — это сама мать-природа, смотрящаяся в свое отражение в зеркале воды, это призрачное слияние, мягкое взаимопроникновение реальности и иллюзии, при котором от легчайшего дуновения ветерка вода покрывается рябью, и иллюзия восстает против реальности, причем каждой своей вибрацией этот мятах не только проходит через сердце поэта, но и с возможной точностью воспроизводится, констатируется в его поэтических строках. Каждое движение души поэта в совершенстве гармонирует с движением природы, и в этом смысле он является летописцем движения света своей души и бытописателем своих видений. Видения эти воплощаются в цветок, птицу, во взгляд и улыбку, и пыльное Стремление поэта (Стремление — с большой буквы) превращается в мотылька и порхает на коралловом островке мечты, на цветочных клумбах сердца призрачной «прелестной девы». Ее волосы — неувяддающие нарциссы, лоб — девственный снег горных вершин, рдеющий от поцелуев закатного солнца, а глаза — пара аллей, где птица Ликования поэта (Ликование, как и Стремление — с большой буквой) воркует и щебечет, упиваясь свободой, и уста ее — края позолоченного кубка, где благоухают роза и мак, лаванда, бессмертник... Это замечательное описание весны и, одновременно, Молельня Любви Мецаренца, обитель его Стремления и Ликования,

где властвует призрачное счастье. Пусть не покажется странным, что противоположные по форме и содержанию цветущая весна и келья лишений стали предметом сопоставления. Этим я хотел подчеркнуть, что цветущая весна была для него кельей лишений, поскольку его Стремление и Ликование живут одним лишь упнованием на мечту. То есть, если бы не было мечты, его душе было бы куда легче выносить расцвет весны, каждую форму цветения жизни... однако в этом случае не было бы его проникновенных стихотворений.

Выражением несомненного и самобытного поэтического дарования Мецаренца можно считать и следующее удивительное свойство: пускаясь в бесконечный путь к видению недосягаемой любви, поэт почти не информирует нас о своих страданиях, не окрашивает в черные тона свои горести и разочарования, и даже если проскальзывают нотки печали, если он оказывается не в силах скрыть свою боль, свои стечения, все равно — ему удается создать жизнеутверждающую атмосферу светлого стремления к мечте, и возникает ощущение, будто все вокруг — красивое, долговечное и гармоничное — предназначено для грядущей, безгранично большой любви, в которой поэт с неподдельной убедительностью своего стремления не намерен оставлять места для сомнений, а хочет выразить перед предметом своего обожания всю свою преданность, словно бы решив, что он все равно вот-вот уйдет из жизни, для кого же хранить свою сокровенную тайну? Здесь проясняется еще одно кажущееся противоречие: каким образом призрачная Любовь Мецаренца столь недосягаема и одновременно столь светла и привлекательна? Привлекательно его чистое и выполненное том-

ленья ожидание, которое предназначено не для того, чтобы уголить жажду любви, а для того, чтобы представить любовь как спасение...

И из этого ожидания берет начало тот изумительный мир природы, в котором Мецаренц поселяет свое Видение Любви, являющееся его молельней, пристанищем его души.

Ясно, что образ родного края в стихотворениях Мецаренца воссоздается путем видений. Иллюзорный Мир Любви, в котором живет воображаемое любимое существо поэта, создается с помощью картин матери-родины, при активном участии его пылкого воображения: получается своего рода триединство — существующий мир, его поэтическое воссоздание, а над всем этим — Видение Любви с завораживающими цветообразами и светотенью. Трудно представить, но это продиктовано спецификой поэтического творчества, когда Мецаренц не одним лишь словом воспроизводит землю, цветок, цвет, аромат, но и отображает все их переходные ступени: все этапы оплодотворения земли, произрастания цветка, всю гамму взаимодействий между красками и ароматами... Все это, в свою очередь, насыщается поэтической тоской — тоской по Видению Любви, и мир становится настолько нежным и изысканным, что входящий в него идет сквозь фейерверк душевного ликования. Колокольчики изумительных образов звенят в этом мире, звенят с чарующей мелодичностью; свет луны здесь подобен цветку, свисающему с деревьев, говор дождя — золотому молоточку, открывающему перед нами все новые и новые двери, рассвет уподобляется мечтательному цветку, предсумеречный свет сравнивается с девушкой-весталкой, завеса тумана — с водопадом, не имеющим складок,

лучи солнца — с огненно-алыми бутонами, широкая, одинокая дорога — с исполинской змеиной кожей... Именно с таким вот ядовитым чувством отнеслась к лирике Мецаренца критика, противопоставляя нежнейшему шелку его поэзии свое непонимание, говоря словами Мецаренца, «дремучее невежество». И действительно, пусть даже такова судьба всех великих, но неужели юный поэт в самом начале своего литературного пути заслужил того, чтобы его так упорно и настойчиво третировали, когда сам он оценивал свои произведения самым скромным образом, и будучи автором многих стихотворных шедевров, таких как: «Ночь сладострастна...», «Ясная зимняя ночь», «Под сенью акаций», «Голубые странствия», робко сравнивал себя с третьестепенными стихотворцами, произведения которых неумолимое время вполне заслужено вычеркнуло из памяти поколений. Критики высокомерно игнорировали огромный талант Мецаренца, пытались втиснуть его в узкие рамки символизма, тогда как армянский поэт был учеником школы величайшего поэта — Нарекаци, то есть был учеником школы самой поэзии, а это выводит его за пределы всех прочих имеющихся литературных направлений и школ — во всей их совокупности. Сам Мецаренц сказал об этом так: «С самого начала инстинктивно и вполне определенно я считал самой большой своей литературной заботой избежать глупого следования всевозможным школам, избежать унизительного штампа внешних влияний... И в качестве красноречивого свидетельства того, что символизм может быть приобретенным, я снова сошлюсь на доблестного Нарекаци...». Не удивительно, что «Книга скорбных песнопений» Нарекаци стала средоточием переживаний и раздумий

этого юноши, что его беспокойная, мятежная душа волновалась в ритме дыхания великого мученика и страдальца. Разве после всего этого у нас нет достаточных оснований думать, что Мецаренц родился с «Книгой скорбных песнопений» в душе? И не только с ней, но и со многими лучшими традициями национальной и мировой поэзии, из которой только и могла родиться высочайшая культура мецаренцевского стиха и та критическая мысль, с которой мы встречаемся в его статьях.

Доброта Мецаренца, его стремление творить добро не имеют границ, когда он смотрит из кельи своей призрачной любви и злополучной болезни на мир покинутых и страждущих людей, туда, где человеческая доброта нужна, как свет и хлеб, туда, где честные люди подвергаются угнетению. Цикл «Стать бы мне, стать!..», логичным продолжением которого является прекрасное обращение-призыв «Дай, Господи, мне...», не только расширяет в тематическом отношении поэтический диапазон Мецаренца, но и становится парусом спасения, парусом надежды, который свидетельствует, что не все еще в мире окончательно потеряно. Это высшая школа духовного воспитания человека, это форма самопожертвования, где прекрасна как сама жертва, так и то, во имя чего она приносится. Стихотворение «Дай, Господи, мне...», имеющее подзаголовок «Отче наш» современного человека», представляет собой самый чистый призыв создателя, если иметь в виду, что Мецаренц-человек также не был в жизни грешником, так что в молитве своей он печется не о себе, а о страждущих, и молитва его может рассматриваться в этом грешном мире как изначальная благость, которая сегодня чиста так же, как и в день своего сотворения.

*Не за себя — за других радость дай, Господи, мне,
Ливень ее изолью по неоглядной земле,
Солнце ее раздарю всем горизонтам на свете.*

(Пер. Г. Кубатьяна)

Это состояние безграничной умиленности и милосердия побуждает Мецаренца еще более конкретизировать свой материал: он направляет свой луч на тех, кто обижен судьбой, он пишет стихи «Хромой», «Глухой», «Немой», «Безумцы», стихи, которые, не имея характерного для пера Мецаренца блеска, представляют собой попытку проникнуть в другую сферу жизни, и можно не сомневаться, что со временем они приобрели бы и этот блеск, выявив глубинные, типовые оттенки материала, и в качестве поэтических исканий, тенденций представляют несомненный интерес.

Вопреки трагической судьбе Мецаренца, его ориентиром была жизнь. Одно из стихотворений, написанное в 1903 г. и имеющее ключевое значение для дальнейшей творческой деятельности поэта, так и называется: «Песня жизни».

*...Но в мучительных думах моих
Внезапно вспыхнул лучезарный свет.
Песня жизни — блестящая, золотая, нежная,
Которой я с дрожью внимал до конца.*

(Пер. подстрочный)

Неизлечимая болезнь не смогла задушить в поэте песню цветущей жизни, но временами смущала его душу, из которой рождались несколько печальные, но по-прежнему чистые и прекрасные песни.

И опять же, всем на удивление, эти песни рождались не как протест, жалоба, недовольство судьбой, а как печальные цветы его прозрачной, тонкой души.

Ужас перед смертью приобретал все более реальные очертания, и юноша Мецаренц все более тянулся к матери, материнской нежности и ласке, инстинктивно чувствуя, что если откуда-то можно ожидать возвращения к жизни, то только от матери.

Вновь и вновь удивляемся, как в столь юном возрасте Мецаренц постиг глубинные тайны искусства, создал образцы совершенства поэтической гармонии, до конца осознав созидающую силу поэзии, безуокоризненно точно восприняв соотнесенность чувства и мысли в стихе. Болезнь Мецаренца дала ему возможность и время убедиться на собственном опыте, что нельзя, недопустимо предаваться мрачным мыслям, которые могут вывести из равновесия даже здорового человека, не говоря уже о больном и притом смертельно больном, так, значит, если дать волю этим мрачным мыслям, то писание стихов потеряло бы всякий смысл, стало бы неоправданной роскошью. А между тем, жизнеутверждающее ми-роощущение поэта, не допускающее насилиственного господства над жизнью ни смерти, ни чего-либо другого, влекло его к взаимопроникновению с матерью-природой, и жизненная правдивость инстинктов приносila мудрую умиротворенность в душу, мятущуюся и ищущую выхода его отчаявшейся мысли. Мысль беспрестанно ставила новые вопросы и требовала, чтобы ответы на них были незамедлительно найдены, иначе неразрешенный вопрос способен довести до безумия. С другой стороны, чувства тянули его к умиротворенности природы, подсказывая, что положительные ответы на все вопросы (к чему

мы стремимся в действительности), дает именно природа. Неразрешенные вопросы неисчислимы, и их становится все больше в мире — соответственно отчуждению человека от природы.

У Мисака Мецаренца есть несколько стихотворений, помеченных городом «Сваз». История помнит связанный с этим городом трагический случай, не имеющий аналога. Ленк Тимур, самый кровожадный азиатский завоеватель, более чем за пять столетий до Мецаренца встал со своими ордами у стен Сваза, одного из самых цветущих городов тогдашней Армении, известный как «город ста тысяч розовых кустов». Жители Сваза, чтобы смягчить сердце тирана, вывели к нему тысячу малолетних детей, с ног до головы одетых в белое, с букетами алых роз в руках. То была немая мольба о пощаде, чтобы город не был уничтожен, превращен в руины и прах. Но палач устремил свой взор на детей и приказал расстоптать эту белоснежную непорочность копытами коней. Местность окрасилась кровью детей и роз. А еще пять столетий спустя стихи Мисака Мецаренца, подобно той тысяче малолетних армянских детей, с ног до головы одетых в белое, вновь были выведены к османскому ятагану, и ятаган умертвил их создателя, но самих стихов умертвить не смог, потому что они были крылаты и, взмыв в небеса, долетели до нас и обосновались в своей отчизне, бесседуя с вечностью.

РАЗМИК ДАВОЯН

Радуга

ЯСНАЯ ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Твоим поцелуям, о ночь, я окно отворил,
так дай же упиться тобою, дай выпить все это:
и млечо медовое негою полного света,
и чудо волшебных, прохладою веющих крыл.

О ясная, светлая, дивная ночь! Напои
мне душу по капле своим белоснежным свеченьем
и в сердце болящее медоточивым теченьем
струи колдовство! Несказанны обятья твои.

Да смолкнут все звуки окрест! Мы с тобою вдвоем.
Я пью твой нектар, упиваясь истомой и дрожью,
и все забываю, и время становится ложью,
и я преклоняю колена во храме твоем.

И я преклоняю колена во храме твоем
и руки к тебе простираю с печальной мольбою —
пока, светозарная, я упиваюсь тобою,
глаза позабудут, сколь мрачен и пуст окоем.

Надежду несущая ночь, не отвергни меня!
О нет, не отвергни, мистическая безмятежность,
дыханья молящего шелест, и верность, и нежность
мою неизбывную, чуждую яркости дня!

В каморке моей не изгладилась память о том,
как ветер вчерашний лелеял свирепую похоть.
И стены трепещут, и кажется, можно потрогать
их страх, их тоску о любовнике диком, крутом.

Ворвясь в комнатушку мою, лучезарна, ясна,
своей светоносною святостью дом преисполнни,
напомни о радости жить и о счастье напомни,
и я пробужусь от давнишнего горького сна.

Твоим поцелуям, о ночь, я окно отворил,
так дай же упиться тобою, дай выпить все это:
и молоко медовое негою полного света,
и чудо волшебных, прохладою веющих крыл.

ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ

Ночь сладостна, ночь любострастна,
дурманит бальзамом, гашишем.
Бреду по дорогам утихшим,
ночь сладостна, ночь любострастна.

И ласковы ветер, и море,
и свет под небесною сенью.
Ночь — Праздник, души Воскресенье,
и ласковы ветер и море.

А на сердце сумерки пали,
но губы исполнены страсти.
Ночь лунная, светлое счастье,
а на сердце сумерки пали...

ИСКРЫ

В душе моей грянут бубны
неистового желанья.
Ликующие, как литавры,
ударят воспоминанья.

И в лад с бамбирною* песней
очей твоих ястребиных
в душе — в потайных глубинах —
багряное пламя вспыхнет.

Хмельная от неземного
нектара сладких объятий,
царица снова и снова
заходится в бурной пляске.

А ночь потихоньку тает.
Помедли, молю, помедли!
Твой взор — в нем огонь ли? свет ли? —
пусть дольше ласкает душу.

*Бамбир — народный музыкальный инструмент.

МЕРЦАНИЕ

Завесу тьмы, пьяным-пьяны,
укальвают блики света.
В морской пучине гаснут где-то
багряные лучи луны.

И море в колдовской тиши,
голубизны своей не хмуря,
спокойно улыбнется буре
объятой теменю души.

Воспоминания, слепя,
нахлынут ярко и мгновенно,
едва лишь я пройду надменно,
не обернувшись на тебя.

И это чувство неспроста
займется радугой утешной —
в моей душе, во тьме кромешной,
проляжет света борозда.

НОЧНАЯ МЕЛОДИЯ

Любви мелодия слышна —
Иль то поток рокочет?
Вот лес одела тишина —
Пора счастливой ночи.

Восточный ясен небосвод,
Украшенный сапфиром...
И аромат цветов плывет
Над услажденным миром...

Великолепна рощи сень...
За ветками, за пнями
Озарена новая тень
Летящими огнями.

Парит листвы незримый дух,
Сквозь тишину процежен,
И шелест, радующий слух,
Так сладостен и нежен...

Смотрю: тропинки, как ручьи,
В густой листве мелькают,
А грэзы чистые мои
Как листья опадают...

Душа, каков страданий срок,
Удел мой неизменный:
Искать увянувший цветок
Надежды сокровенной?

Иль, потемнев, увидишь ты
Любимой увяданье?
Не рви красу моей мечты
И розу обожанья!

МИНУТЫ МЕЧТАНИЙ

В комнате, полной ночной темноты —
Волнообразной,
Глубокой, безбрежной, —
Гаснут лучи серебристой мечты,
Мысли проходят блуждающей тенью
В поисках феи небесной и нежной —
Мне обещавшей цветок утешенья...

В поисках я...
Ожидает душа,
Изнурена беспокойным желаньем,
На горизонте, совсем еще раннем,
Отблеск далекой мечты заглуша
Вечным сомненьем своим, колебаньем...

И одевается тихо мечта
Скукой торжественной,
Грустной и странной,
Скрыта душа оболочкой туманной,
Горькая в сердце тоска разлита...

Странница-мысль, потерявшая путь,
Так торопливо, безрадостно бродит —

Ни на свету, ни во тьме не находит
Верных дорог... А куда ей свернуть?

Ах, убегают,
Спешат огоньки,
В панике свет отступает дорожный...
Мысли заблудшой уже не помочь:
Луч замерцает последний, тревожный,
Там, где дрожали сейчас светляки, —
Сплошь величавая высится ночь...

В поисках я...
На балконе стою.
Где вы, глаза, что печальной усладой
И ametistovoy чистой лампадой
Душу во тьме осветите мою?

Я на балконе стою, утомлен...
Плещется ночи бездонное море
В берег мечты...
Я хочу, чтобы он
Лентой огней засверкал на просторе,
Чтобы они озаряли в тиши
Эти глубокие ночи души...

СОН ШЕЛКОПРЯДА

В саду смеются бубенцы и, нежно и тягуче,
поющих женщин голоса вплетаются в их смех.
Все громче хлопанье ладош, и бубна ритм все круче,
а в окна льется лунный свет, процеженный сквозь тучи.

Час пробужденья твоего приходит, шелкопряд.
Нарядный, копошишься ты в листве ярко-зеленоей.
Здесь изумруд, и перламутр, и яхонт — все подряд,
все вместе в мареве луны сияют и горят.

Свой смертный сон, свой смертный миг приемли без
обиды.
Под бубен женщины его отметят в поздний час
и в золотой пыльце ночной, что выткали сильфиды,
песнь колыбельную тебе споют в последний раз.

РОДНЫЕ КАРТИНЫ

И мерный скрежет старых жерновов,
и сказки их о водяных и леших —
печальная насыщенная речь
в безмолвии полуночи осенней.

Лишь в этой изумрудной тишине
сильфиды надевают свой туманный
из нитей света сотканный наряд
с рубинами горящих метеоров.

И серебристый голос бубенца,
и удлинившаяся тень возницы,
и дым сигары, тающий вверху,
и линия лазурная дороги...

ПОД СЕНЬЮ АКАЦИЙ

На землю упадают лепестки
под знайным ветерком благоуханным.
Душа полна томлением туманным,
и сумерки так сладостно легки.

Акациям жара и свет с руки —
не надышаться воздухом духмяным!
Качаются они подобно пьяным,
цветы роняя, будто бы снежки.

Их свет волшебный, сереброволосый,
прекрасный, словно гурия в раю,
вплетается в фонтанную струю.

И брызги — как цветы, и в их строю,
прозрачном как младенческие слезы,
напевы дивны и сладкоголосы...

На землю упадают лепестки.

НА РАССВЕТЕ

В горах, в монастыре песнь колокола плачет;
Газели на заре на водопой спешат;
Как дева, впившая мускатный аромат,
Пьян ветер над рекой, и кружится, и скачет;

На тропке караван по склону гор маячит,
И стоны бубенцов, как ночи песнь, звучат;
Я слышу шорохи за кольями оград
И страстно солнца жду, что лик свой долго прячет.

Весь сумрачный ландшафт — ущелье и скала —
Похож на старого гигантского орла,
Что сталь когтей вонзил в глубины без названья.

Пьянящий запах мне бесстрастно шлет заря;
Мечтаю меж дерев, томлюсь, мечтой горя,
Что пери явится — венчать мои желанья!

ЗАБЫТЬЕ НА БЕРЕГУ

В лоне солнечных скал полудремой объято село,
и покой отхлебнул ветерком принесенной улады;
по реке опьяненной томленье волнами прошло,
и она берегам посыпает влюбленные взгляды.

В эту пору прибрежные рощи хмельно и светло
источают неведомый запах любовной прохлады —
здесь цветы позабытые никнут, печалия чело,
по крупицам исходят их душ неразгаданных клады.

В изумрудном своем одиночестве мускус и миро
дерева выдыхают с улыбкою, в дрему клоня.
Я томлюсь в забытьи, полный звуками дальнего мира.

Голоса колдовские, неясные кличут меня
в вожделенную даль, где воспрянет мечта золотая,
и, отведав нектар ветерка, я мечтаю, мечтаю...

СТРЕМИТСЯ ВЕЧЕР НА ПОКОЙ...

Стремится вечер на покой, его обитель — тьма и тишина,
И душу сладостно пьянят вечерних запахов гашиш,
Томит напев — не избыла душа тревог...

Брожу, себя не сознаю, в каком-то странном полусне,
Сурохо посохи стучат, их стук доносится извне,
Как поцелуй, в окно влетает ветерок.

Я в четырех стенах кружусь, все безысходней и
грустней.
А в грезах — первый поцелуй. Горят уста, я весь —
в жару.
Глаза прикрыты, но порой с тоской блуждают по
двору.
Ах, тишина, движенье сбивчивых теней...

Глух и бесчувствен мир вокруг, и безответен мой
вопрос,
И гибнет созданная мной фантазий пылких череда.
О, ты не знаешь, как в любви душа терзается, когда
Ей в утешенье не дано хотя бы грез...

МЕЧТАТЕЛЬНАЯ БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ

Мечтательная безмятежность огнистых сладостных
ночей!

Святая тишина осквернена лягушачьим «ква-ква», и
только.

Глаза, истерзанные грустью и всеохватной и ничьей,
устав надеяться и ждать, глядят на бухту долго-долго.

Заря струит фонтаны света и верой полнящих лучей,
и плачет лютня вдалеке без устали и без умолка.
Тепло огней, запавших в сердце, все явственней и
горячей —
гашу огонь, и душу сон объемлет, ласковее шелка.

И вижу я перед собою сполохи глаз и пламень крыл
и гурий, обнаживших стан, с их алебастровою
грудью —
о, сколько сокровенных мыслей я им поверил и
открыл!

Грустит лазурная сирень об утре, о любви и чуде,
пунцовеют в долине маки, и царствует над миром
тишина,
а я все пью ненасытимо мечтательных ночей гашиш.

ПЕСНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Пылает в сердце рана — так остер
Сплав боли и глубокого томления.
Уже рассвет свои огни простер,
Но даже он не даст мне избавленья.

Надежда угасает, как костер,
В котором обгорели все поленья.
И все-таки былое до сих пор
Волнует и сулит мне утоленье.

Я должен жить! В превратностях судьбы
Я буду чернать силы для борьбы,
Я возвращусь — и к жизни, и к надежде.

Пусть горше эта боль день ото дня,
Пусть веют ветры, душу леденя, —
Лучи любви сияют в ней, как прежде.

ПРИСТУПЫ БОЛИ

Подобная ведьме с печальным лицом,
любовь надо мной, вожделея, нависла.
И память, которая мне ненавистна,
терзает меня раскаленным свинцом.

Угасли огни, и опять я с судьбою
один на один, и развязка одна:
душа из груди изгоняется болью
и чашу сию я вкушаю до дна.

На ощупь мечту не отыщешь. Исполнил
свой долг, и довольно метаться в потьмах.
В глазах моих — грустные сполохи молний,
и на сердце боль, и — отчаянья взмах.

ПРИСТУПЫ ЗНОЯ

Подобно облаку, с реки восходит к небу белый пар;
Дрожат лазурные цвета, дорога вьется, далека;
Внезапен солнечный удар — везут крестьяне старика,
И все безжалостно вокруг сжигает солнца гневный
шар.

На горных тропах караван — верблюдов серая семья,
У них душа погружена в палящий зной и духоту...
Поникли розы — не смогли осуществить свою мечту,
От боли плачет алый куст без ветерка и соловья.

И от полуденной жары пылают пламенем поля;
Кругом томление цветов, они бессильные стоят,
И, одурманивая мозг, струится душный аромат;
Лес одинок, ни трели в нем, в глубоких трещинах
земля...

Еще спокойна и светла, беспечно греется скала,
Над ней палящая жара, мечтой сияют небеса;
Звения, из рук у косарей все чаще падает коса,
Густая, знойная пора на все окрестности легла...

Сомлевший мир лениво ждет: придет вечерний
ветерок,

И станет легче голова, и остывать начнет простор...
А змеям, любящим жару, пора, блестя, спускаться
с гор —
Хоть их и душит, и пьянит сей огнедышащий поток.

В полях деревья там и тут в дремотный сон
погружены;
Под сень их птицы не летят, не сядут люди
отдохнуть...
Схож со змеиной чешуей широкий, одинокий путь —
Ни шума крыльев, ни шагов в недвижном царстве
тишины.

О, померанца акварель... заката дышит полоса...
Кто на коне, а кто пешком — приходят люди из садов;
Под ними стонет шаткий мост, бессильный —
рухнуть он готов,
Но глуше отблески цветов, и затухают голоса...

Вот ночь нисходит с горных круч, лениво, вяло знай
гоня,
И раскаленные поля уже темнеют за рекой...
Дыханье ночи дарит жизнь, несет здоровье и
покой, —
Но лихорадочен и жгуч многоголосый отзывк дня.

ОСЕННИЙ ВЗДОХ

Опять своей дорогой изначальной
спустился вечер на земное ложе
и песня одиночества слышна.
О, как обворожает нас она,
бессвязная, и, душу мне тревожа,
проходит призрак Осени печальный.

И грежу я, как опоенный зельем,
и Осень жизни вижу наяву
и ветер, что несет, ярясь и воя,
к каким-то смутным сумрачным ущельям
иссохшую бессильную листву
или виденье, бывшее листвою.

И стылым утром снова обнаружу
туманов истончившуюся плоть,
оставленную ночью малокровной
на произвол судьбы и рока, словно
отчаянье — его не побороть, —
в которое любовь повергла душу.

И я хочу бродить наперекор
тоске и непогодам и в долине
пустынной, посреди холодной тьмы,

увидеть увлажненные холмы
в их бледности, поблекlostи, унынье
и ощутить их горе и разор.

Душа устала. Ей уже несносен
восторг любви, которому родней
цветенье и благоуханье зноя;
иное нужно ей, совсем иное,
и жажду я туманных этих дней
и свежести твоей холодной, Осень.

ШЕСТЬИЕ ВЕТРА

Он бушует, точь-в-точь океан,
набухает волнами и желчью,
сотрясая каморку мою.
Боль его неизбывную пью:
я игрушка его — этой ночью
я ему во владение дан.

И пока не настанет рассвет,
на душе бесконечная смута
жуткой песни его, где слились
безрассудство и грусть, даль и близъ...
О, когда он достигнет приюта,
караван злодеяний и бед?!

Соль и пряность, моря и сады
дышат в диком его аромате,
и, пугая и вместе пьяня,
он хватает в объятья меня,
но бегу я от этих объятий,
полных боли, тоски и беды.

Гасит лампу неистовый вой.
В этой темени необычайной

жду я Шествия, жажду и жду
эту близость и эту вражду.
Приходи, потрясенье и тайна!
Обволакивай душу! Я твой.

СОНАТИНА

В пространстве блекнет белизна
и увядает роза света.
Во мрак холодных туч одета,
пучина осени грустна.

И серая завеса дней —
душевной боли средоточье,
и влажные напевы ночи
звучат чем дальше, тем грустней.

И в сердце сизнова стучат
былые горести, и с ними
мечты мои, неизъяснимы,
печалуясь, кровоточат.

И ветра заунывный вой,
и ночь все длится, как в насмешку,
от этой песни вихревой
и тьмы со страхом вперемешку.

Любовь осенняя в душе
едва ли отзовется бурей.
Бледней и призрачней уже
соблазны светородных гурий.

И страшно: ускользнет опять
тот свет, который манит, манит,
и мгла не станет отступать
и снова душу затуманит.

* * *

О крик о той, кто всех милей,
о той, с которой не расстанусь!
О, снежной девушки моей
умершой безысходный танец!

Мечта, сгоревшая дотла,
сильней и пламенней, чем пламя.
Хрупка, задумчива, светла,
она стоит перед глазами.

И вижу я, опять зажглась
в ее душе заря былого,
и, магией любимых глаз
завороженный, грежу снова.

МИНУТЫ

*О возлюбленный мрак!
Ожившая грэза томитель-
ных ночей, где дано видеть
одной лишь страсти и не
ведает устали неизъясни-
мая печаль поцелуя.*

РАЙМОН ПУЭЙЕ

Как грезжу я о ней среди ночных огней
и о губах ее, которых нет грешней!
Но в шумной суете и сутолоке дней
не помню тех минут, когда мечтал о ней.

Не помню ничего: ни бурных вожделений,
ни яростных страстей и ни блаженной лени,
ни горестной тоски, когда я в исступленье
молился на нее и преклонял колени.

Я забываю днем, как по ночам томят,
волнуют и влекут, смущают и тревожат
и воскурений дым, и дивный аромат.

Покуда я живу, я буду им объят,
от магии его избавиться не сможет
моя душа — он в ней, сладчайший этот яд.

ПЕСНЯ РАССВЕТА

Наполнен цветущей мечтою и легкою мглою рассвет;
Туман, как седой водопад, протянул волокнистое тело;
Заря, словно дева, стыдливо в дыму покраснела;
Наполнен цветущей мечтою и легкою мглою рассвет.

Морской восхитителен меж двух ладоней пейзаж,
Густая лазурь, обрамленная яркою кромкой, —
Где весла взлетают, как белые крылья, над лодкой;
Морской восхитителен меж двух ладоней пейзаж.

Я к пламени солнца взываю, я жажду луча,
Как утренний воздух для бедной души благотворен,
Для бедной души, о тепле возмечтавшей и море!
Я к пламени солнца взываю, я жажду луча.

И ты улыбнись мне — ах, что тебе стоит, — сквозь
МГЛУ,
Земля б расцвела от твоей лучезарной улыбки;
Мечты о любви твоей, как они сладки и зыбки!
Прошу, улыбнись мне — ах, что тебе стоит, — сквозь
МГЛУ.

Свою любовью глубины души освети,
Как солнце, впитавшее этот туман предрассветный;
Где жаркий огонь, где тот луч светоносный, победный?
Свою любовью глубины души освети.

СУМЕРКИ

Вновь багрянец заката ложится тебе на чело.
Отчего я остался один со своею мечтою,
в аромате гранатов и лип, в медоносном настое
отчего я один и отчаянье в душу вошло?

О прекрасный мой ирис, когда ты ушла, унося
этот солнечный день, в сердце грянули грозные
громы.

На обратном пути улыбнись безнадежно больному,
обещая надежду и свет, без которых нельзя.

Тьма нисходит мне в душу. Зачем? Там давно уж
ни зги.
На заре ожиданий томлюсь и тоскую, робея.
И, едва лишь забвенья вкусив, обращаюсь к тебе я:
освети меня, солнце мое, и в беде помоги.

Я под ясной луной сосчитаю коралловый пульс
сновиденья любви вдохновляющего и живого.
Если б жизнь даровала мне свет и приветное слово,
мир бы не был теперь столь тяжел, безотраден и пуст.

Приходи! Бесприютно во мраке мечте-сироте.
Я устал в одиночку вышагивать по бездорожью.
Дождь, поливший в душе, отзывается смертною
дрожью,
и рука замерла в этой скорбной, как жизнь, пустоте.

ЧЕЛНЫ

Полные страсти до края, отплыли челны,
берег Мечты позади оставляя туманный.
Пламя тоски обступило меня. Ожиданья
мучат, и ужасом сумрак чреват и огнем.
Ночь напролет жду багрового их возвращенья,
взад и вперед по песку напряженно шагаю,
верный душой завладевшей ревнивой мечте.
Освободите челны, духи моря, владыки стихии!
Освободите челны, расколдуйте их, ветры ночные!

ВОЛШЕБСТВО КРИСТАЛЛА

Вот мальчик, что навстречу солнцу встал,
И солнце перед ним горит огненнокудро.
Храня в груди мечту, он пьет прохладу утра,
И проблеск «я» в его глазах затрепетал.

Сияет гордый взгляд лучистым, звонким «я»,
В котором синь небес, источник чудотворный,
В котором жажда жить чиста, как воздух горный,
Как родниковая хрустальная струя.

Держа в руке кристалл, он смотрит не дыша.
Там зов семи цветов и там рассветной ранью,
Теней, полутонов и бликов филигранью
Плененная, парит мальчишечья душа.

Какое волшебство! Слепит ему глаза
Сверкающий прибой — в нем звезды золотые,
Вершины дальних гор, поля, леса густые,
В нем яхонт и брильянт, гранат и бирюза...

О, небо детское, оно не знает гроз.
Так пусть ликует он, заливвшись звонким смехом!
Лазурь моей души ему ответит эхом,
Вскружит мне голову дурман забытых грез...

Я тоже сохранил магический кристалл
И сквозь него гляжу на пламя юной страсти.
Душа, отринувшая беды и напасти, —
Тот мальчик, что навстречу солнцу встал.

СОЛНЦУ

Он повеял, мягкий и уверенный ветер юга;
я мечтал о нем, как о поцелуе,
и жаждущая любви душа упивается им;
так сияй же, о солнце,
и пронизывай золотом лучей
мглу моих бдений,
где сбилась с пути и блуждает мысль,
сияй, сияй, доброе солнце, ибо я болен...
Я жду у окна, раскинув руки,
объятый сладостно-юной,
знойной, полуденной мечтой, —
оплети меня огненной сетью,
и качай, и укачивай,
и целуй, опаляя,
и пусть, когда я двинусь наново
благодатной стезею страсти,
в душе воспрянут оцепенелые было
младенцы-надежды.
Я болен, доброе солнце, так сияй же, сияй!
Душа — это птаха, которой не прожить
без полета, и света, и пенья,
но песня, едва вырвавшись из гортани,
падает замертво.
Сияй же, сияй, доброе солнце, ибо я болен...
И пока в лучащемся страстью зное
неистово хороводят шмели,

упоенные твоим огнем,
пока задыхаются от жажды цветы и кусты,
меня услаждают прикосновения лучей,
которым нет имени.

О, блаженный покой,
о, несказанное опьянение,
беспамятное и все сознающее!

Сияй же, доброе солнце,
не угасай, ибо я болен.

Напоследок, покуда не смерклось
и ведьма промозглой ночи не объяла меня,
напоследок
прильни, опаляя страстью, к душе
и воссияй.

Я болен, доброе солнце, так сияй же...

ПРЕДРАССВЕТНОЕ

Когда, сходя на нет,
Пролет ущербный месяц
Холодный, жидкий свет
И на ступенях лестниц
Оставит желтый след,

Когда цветок тумана
Раскроется нежданно
И робко поплынет
Над зыбию океана,
Над гулкой синью вод, —

В безгласной тишине
Душа замрет во мне,
И в озерцах теней,
Разлившихся повсюду,
Я в комнате своей
Покачиваться буду.

Предутренняя мгла
И холодок пустынный
Проникнут в зеркала
До самой сердцевины,
И отразится в них,

Лишившихся покоя,
Подсвечников пустых
Мерцанье колдовское.
Но тихий голос мой
Тебя тогда коснется —
Серебряной тропой
Он над землей взметнется.
И позовет меня
Живительная сила —
Тепло того огня,
Что в сердце ты хранила.

Прозрачны и легки,
Взлетят, как мотыльки,
Мечты мои над миром.
Чтобы к тебе прильнуть,
Прочертят легкий путь
Сверкающим пунктиром.

Мою покинув грудь,
Прочертят легкий путь
От сумрака ночного,
В котором все мертвое,
До солнца золотого —
До сердца твоего.

ПОД СЕНЬЮ ИВ

1

Плачьте, непрестанно плачьте, ивы,
ваши слезы душу серебрят.
В этот час печальный и счастливый
приникаю к вам, ко всем подряд.

И когда цветов широкий пояс
обвивает изумрудный стан
пажей и, в синеве покоясь,
мир прекрасен, чист и первоздан,

феи снов моих, престоловосы,
сходят вниз с фиалковых лугов.
Тишина полей, долин, откоса
явственней от быстрых их шагов.

И они танцуют, грациозны,
как невесты страсть затая,
и глаза их, этот омут звездный,
не дает увидеть кисея.

Их тела прозрачны и хрустальны,
их душа лилейна и ясна,
их сердца — непознанные тайны,
их улыбка — утро и весна.

2

Лейте, ивы, слезы безутешней,
серебристей, чище, чем досель.
Сладостна мне грусти вашей нежной
неостановимая капель.

В знойный полдень отдохну, восславя
вашей кроны светло-серый блеск,
запахи цветов и разнотравья
и воспоминаний переплеск.

Зазвучат невесть откуда бубны
и бамбанды, душу захватив,
и цыганской песни неотступный
страстный опьяняющий мотив.

А когда зависнет над долиной,
и ручьем, где пенится вода,
и над сонной рощей тополиной
Тишина крылатая, тогда

пролетит неторопливо аист
красноклювый и, неудержим,
огласит безмолвье, упиваясь,
глуховатым клекотом своим.

3

Плачте, ивы, плачем непрерывным,
ваша грусть отрадна и свежа,
и пускай покоем этим дивным
насладится бедная душа.

И когда поет под вечер явор,
и щебечут птицы невпопад,
и когда бассейна белый мрамор
брызгами фонтаны окропят,

и когда шафранной кистью солнце
траур ваших душ позолотит,
и когда дыхание займется
от его любви, забывшей стыд,

плачте, ивы, и плацучей сенью
осеняйте чудо этих мест —
тайинство немеркнуще весенней
зелени, поднявшейся окрест.

И когда угомонятся птахи,
ночь, грозя когтями, воспарит,
плачте вновь в покорности и страхе,
плачте, дрожи не уняв, навзрыд.

НОЧЬ ЯСНА

Ночь несказанна и ясна
в неистовом своем свеченье.
Сильфиды — диво и мученье —
меня ласкают допьяна.

Коралловые их уста
печальней всех печалей мира.
И плачет, как струна пандира*,
душа, безгрешна и чиста.

О эта ночь! Как с ней расстаться?
Омою душу в реках слез
и вновь затеплю, может статься,
угасшую лампаду грез.

Ночь, светозарная стезя!
И мысль идет по ней, как прежде,
душе и радость, и надежды,
и утешенье принося.

Благоухая и пьяня,
растет нездешний, странный колос.

*Пандир — музыкальный инструмент.

И чей-то тихий-тихий голос
поет, баюкая меня.

И, снова душу будоража,
и неоглядны и пестры,
великим таинством миража
встают далекие миры.

И я почувствую, томимый
неизъяснимою тоской,
немыслимый, неповторимый
цветов их запах колдовской.

И я впитаю этот дар
душой горячечно-дурманной —
густые грезы их тумана,
искрящегося как нектар.

И, преисполнен ликованья,
пойду за тайною, пойду
паломником обетованья
на радость или на беду.

И я пройду за пядью пядь
по Небесам Необычайным,
покуда, охладевший к тайнам,
на землю не вернусь опять.

ВЕЧЕРНИЕ ГОЛОСА

Волненьем, вожделеньем смущая мир затихший,
В наплывах зыбких ветра те голоса звучат;
Покачиваясь, никнут в томительной задышке
Земные ароматы, пока горит закат.

Всплеск музыки и возглас веселья и улады
Сливаются в восторге, вздыхаются сильней.
Волна внезапно склоняется, но длится отзвук слабый —
Обрывки пряных песен кружась уходят с ней.

И трель, и порыванье тревожного мотива,
Смычка багряный трепет над чуткою струной...
Вдали цветок заката не вянет, свеж на диво,
От чар, от волхованья он чуточку хмельной.

Сквозистый, резкий посвист — в округу вторглись
ветры.

Цветов живых и пестрых витают шепотки.
И тополь рукоплещет своей листвой несметной.
И яростно-ревнивый гремит концерт реки.

Размашистых звучаний накат самозабвенный
Бьет о порfirный берег души — вольней, слышней.

И я опять охвачен летучей шумной пеной,
И ускользает, рея, свет ладанных огней.

Восходят лампы света серебряно и чисто.
Под стать глухим рыданьям печальных удов* дрожь.
И в каждой лунной капле трепещет и лучится
Лазурный миг неспешный, что с поцелуем схож.

Благоговейно духи ниц перед чудом пали,
Вкусив любви, что дышит в напеве, как в огне.
Зовут и манят нимфы в мистические дали.
Надир, ликуя, блещет с зенитом наравне.

Приходит ночь, мерцањем не отпуская взгляда,
И отзвук, вторя звуку, порхает там и тут.
И вся она — как песня, как светлая баллада,
В ней смех, цветы и радость всей роскошью цветут.

*Уд — народный музыкальный инструмент.

В УТРЕННЕМ СОЛНЦЕ

Недолго ночи длиться —
Мглы обветшал покров.
Встает заря-юница,
И свет ее багров.

Телеги проскрипели,
Рабочие прошли,
И пахари поспели
На древний зов земли.

Лучам вольготно плавать
В воде, объятой сном, —
И вспыхивает заводь
Оранжевым огнем.

Лучи звенят, играя,
Ночную тень гоня.
Жизнь солнца — свет без края
И торжество огня!..

Меня волнуют снова
Скользящий прочь туман
И ветра зоревого
Гашишевый дурман.

И шепотом влюбленным
Поют хвалу заре
Мак на лугу зеленом
И травы в серебре.

Проснувшаяся нива
И горы ей вослед
Безмолвно и счастливо
Благословляют свет.

Тимьяна, базилика
Клубится фимиам
И тянется — гляди-ка! —
К высоким облакам.

Меня волнуют снова
Скользящий прочь туман
И ветра зоревого
Гашишевый дурман...

ГОЛУБЫЕ СТРАНСТВИЯ

Мелькают шелковой мечты стремительные веретёна,
как будто саван шелкопрядам прядут, и, как из
толщи лет,
смотрю в смятении — когда, когда без трепета и
стона
моих чистейших сновидений угаснет желтоватый
свет?

Безумен этот перепляс изменчивый. Но не
нарушу
объятий своего покоя и дрема не откроет глаз.
Страсть поднимается, как плющ, и жадно обвивает
душу,
от лихорадки вожделений страдавшую уже не раз.

Ступай вперед, мечта, впитай улыбку сладостной
сирени
и воспари, взмахнув крылами, туда, где вся в росе
земля,
где дожидаются тебя в долготерпеньи и смиреньи
и одиночестве два поля лазоревые ковыля.

И дальше, дальше! Покружи над цветородною
долиной,

пройди через леса и рощи, молящиеся в тишине,
минуя горную гряду, спеши вдоль речки тихой,
тинной
и рек, которые грохочут и камни двигают на дне.

Преодолей умильный взгляд и глаз полярное сиянье
и стань перед слезой омытым эдемом жарких
женских душ,
слепящим взорам объясни, что я дитя их игр, и данью
стань их безропотности, боли и горечи не обнаружь.

И нынче вечером, мечта, безмолвно, бессловесно,
молча,
не потревожив безмятежный, блаженный, тихий сон
пичуг,
в спокойную, как поле, даль ступай, мечта, сегодня
ночью
по беспредельным тропам неба сквозь свет, сияющий
вокруг.

Лети в алмазные миры в неистовом коловорощенье,
их слезы, хрустала прозрачней, на ленту грезы
нанижи,
и, внемля лире синих снов, ты испроси у них
прощенья,
у смеха их, как шум прибоя, у неспособности ко
лжи.

И, задыхаясь, пропадай в туманностях
золотозвездных,
будь весела на их дорогах кремнистых, уводящих
ввысь...

Когда же слабый твой огонь угаснет меж сияний
грозных,
ко мне скорей, ко мне скорее, ко мне скорей опять
вернись!

Новые песни

ОТ РОДНИКА

Когда от родника
Она идет по склону —
Примчав издалека,
В ее волос корону,
И шаловлив и жгуч,
Скользит, как пальчик, луч;
Идет от родника
С кувшином по тропинке —
И поступь так легка
И шелк ее косынки
Полощется слегка;
Красив ее наряд,
Движения красивы,
И радуг переливы
В глазах ее горят;
Когда ступает так
И громче что ни шаг
Звенят ее мониста
Томительно и чисто, —
Объятая волненьем
Душа устремлена
К сокровищам нетленным,
Которых лишена...

Как жухлые травинки,
Душа стремится к влаге,
О капле, о росинке
Мечтает как о благе;
Хоть каплю, хоть росинку —
На кончик языка!
И влажная прохлада
Пускай прольется вдруг
На лоб разгоряченный
Из этих смуглых рук,
Что смочены студеной
Водою родника...
Ах, вечером домой
В парче зари багряной
Несет кувшин с водой
От родника она —
И дрожь моей любви,
Нежданной, безымянной,
В листве чинар слышна...

ПОЛИВ

О радость! Реки серебристой сверкает спина,
Вода через камни кремнистые с шумом несется,
О радость! Поток отведен и работа дана
Ему полевая, согрелся он за день на солнце.

Туманные скалы, повесив качели на крюк,
Раскачиваю деревушку с узорною тенью;
При церкви — с десяток деревьев, собравшихся в
круг,
Стоит Богоматерь под их влажно дышащей сенью.

Как много внизу молодых и жеманных садов,
Рассевшихся рядом с деревней и ждущих полива,
Им грохот реки надоел, сколько знойных часов
Прождали они животворной воды терпеливо!

Ночного полива пора; в ожиданье воды
Оперся бессонный садовник во тьме на лопату;
Завеса тумана спускается с гор на сады,
Стрекочут сверчки, разбредаясь по зеленому скату.

И тянется, тянется в ночь серебристая нить,
Как след метеора в космической дымке — молочный;

Вода прибывает, чтобы жажду земли утолить;
Костры златогривые блещут во мгле полуночной.

О радость! Воркуя, подкрался к забору ручей,
И песня ночная сплетается с блещущей нитью.
Листва рукоплещет — так сладостно дышится ей,
Ликует вода и сметливою радует прытью.

Бурлит, прибывает ручей, извиваясь меж гряд,
Розарий полит и душистый увлáжнен тутовник;
Чтоб тело ручья в огород повернуть или сад —
Два раза, не больше, — лопатой ударит садовник.

Вода прибывает, и старческий голос во мгле
«Довольно!» — кричит, и лопаты, споткнувшись
невольно,
На миг замирают, застряв в отсыревшей земле.
И голос в ответ повторяет: «Довольно! Довольно!».

И девочка под виноградными лозами вслуш
Поет — и усталый крестьянин той песне внимает;
Ручей утомился, и плеск его яркий потух;
Земля напиталась и мук родовых ожидает.

БОГОМАТЕРЬ

*...се капля девственное
го молека твоего, струив-
шегося в меня...*

НАРЕКАЦИ

Молочной ночью в голубых прожилках
скажи — преобразуюсь в кисею
серебряную над нагой водою,
и ветер, и цветок и воспою
любую вещь в стихах горячих, пылких.
В высокий берег с тропкою крутою
преобразуюсь, в журчание ручья,
в сень сада, благовонного как ладан,
в сошествие ветров с седых вершин.
Молочной ночью в голубых прожилках
преобразуюсь в иконописный лик
и самоцвет, бесплотный словно миг,
в накидку на святом вине причастья.
О, позови меня, даря счастье,
через реку: «Иди! иди...» Пойду!
Не оскользнуться б на волне иллюзий...
Ты отведешь погибель и беду!
Не оскользнуться б на волне иллюзий...
Я по горе страдания ползу —
по-над тропой мечты рассей грозу.

Над светлыми желаньями моими
стань светлым облачком, луною нежной.
Пречистая Святая Дева, Ты
избранница небесной красоты.
От святости твоей — она бездонна —
даруй мне каплю молока, Мадонна!
О Богоматерь, я опять дитя.
Я звал тебя, и небо раскололось,
и он звучал в ночи, Твой дивный голос,
все милосердье неба воплотя.

ПО ПОВОДУ

Млечно-розовые сновиденья мои!
О Душа, жди сегодня чудесного дара —
ты подобных подарков еще не видала —
крыльев бабочки нашей с тобою любви.

Словно роза, откроется сердце мое,
ибо жаром желаний оно обогрето.
Жизнь озвучила сна золотое шитье
литургией надежд, преисполненных света.

Прошлой ночью душа моя оборвалась
до зари, до надежды во свет колыбели,
и качали ее и, баюкая, пели
феи чистых страстей, а луна все лилась...

Млечно-розовый сон отпускает меня.
О Душа, жди сегодня чудесного дара —
ты подобных подарков еще не видала —
ветра девственного и младенца огня.

Стало быть, доведется нам в кое-то веки
испытать их прохладу, узнать их тепло.
И открыл я объятья объятиям неги —
ты, Блаженство, в час ясного света пришло.

Так приди же, Душа, мы отправимся немо
Цвет. и Форму, и Запах изведать вдвоем.
Так приди же, Душа, и к пределам эдема
богоданного, к Женщине вместе пойдем.

ДОЖДЬ

Поцелуи дождя омыают шумливо
светло-розовый абрис невидимых губ —
несказанная ласка, и чудо, и диво
для тоскливых и вдовых моих вечеров;
как он дорог им, жаждой томимым, и люб,
этот влажный, и нежный, и добрый покров!

О дождливая ночь, милосердный священник,
этот праведный ливень излей до конца,
словно воду крещения, чтобы он стих,
лишь исполнив теплом и надеждой сердца,
чтобы там, на холодном граните ступенек,
переполнилась чаша мечтаний моих.

Несказанную ласку, и чудо, и диво
ты даруешь мне нынче, дождливая ночь —
милосердный священник, сама доброта,
 тот, кто терпели мучения моей терпеливо
собирал для того, чтоб ее превозмочь,
и открыл новой мысли и жизни врата.

ЛИКОВАНИЕ СНЕГОВ

Пляска снега, фей и духов шепоток,
а на кровлях — белоснежные страницы,
словно мыслей необузданный поток
вьюжной замятью мне в сердце устремится
и низвергнется с душевной крутизны.

Солнца жду, от нетерпенья сам не свой,
с преисполненной мечтаний головой,
чтобы благовест его услышать алый,
чтобы фея вновь затеплила живой
пламень чувства, угасающий помалу.

Чтоб отпраздновать, ликуя, торжество
белизны снегов, у кромки окоема
льнущей к сини, и вернуть душе знакомо
прежней радости цветенье оттого,
что сияет красок радуга у дома.

ДВЕ СВИРЕЛИ

Двуликое утро... Под кленом беспечно
свириль раздается, как льется вода,
но вдруг в этой песне заплачет, взорвется
боль света, которому не засветить.
Желанья и стона пурпурная нить,
она зарождается, песня, на солнце,
а после уходит в туман без следа —
нырнет, как ныряльщик, и канет навечно.

Фиалковым утром для козьего стада
другая свирель распевает. Пастух
играет про поле, хлебнувшее сини,
и светится песня в предутренней мгле.
Заря занялась и плывет по земле,
по лугу в цветах, по горам и долине,
и душу приветствует радостный дух,
и с озера ласково смотрит наяда.

БЕЗЫМЯННОЕ

Скажи мне, как тебя зовут?
В шиповнике и повилике
укрытие нашедший, дикий,
скажи мне, как тебя зовут?

Благоухающий и белый,
как молоко, как тебя зовут?
И отчего ты оробело
дрожишь под нежным ветром, плут?

Ты горд. А все же как зовут,
цветок, ту давешнюю фею?
Она прошла, тебя овея
янтарной колдовской волной.

Цветок, ты знаешь, как зовут
то, что тебя повергло в робость,
и голос, нас влекущий в пропасть?..

РАССВЕТНОЕ

Как много атласных лоскутьев развесил туман,
Какой златотканый вздымается пар над дорогой!
Свирель под стеной — что за бронзовый голос ей дан!
Петух на стене голосистой вскипает тревогой:
И девушка песню поет про любовный дурман.

За голубем голубь, как шелковый пестрый платок,
Ленивыми взмахами в путь устремляется вяло.
Лепечет родник, и смеется пастущий рожок,
Вода под скользящим лучом веселей засверкала,
И утренний, легкий целует ее ветерок.

Креститесь и радуйтесь: утро взирает на нас
С любовью, и кажется — желтой подсвеченно хною.
Хор птиц так волшебно поет в этот утренний час,
Ребенок танцует, смеясь, под чинарой густою,
И столько цветов, распустившихся как напоказ.

ПАСТОРАЛЬ

Хижина весны

Хижина между раздольных полей,
густо увитая зеленью; рядом
всякий пастух прошагает за стадом
с песней, звучащею все веселей.
Горлица, радужной шейкой светясь,
чертит здесь облик мечты прихотливый,
лебедь — как лилия — в песне пруда
вяжет надежд своюевольную вязь,
и родничок распевает счастливый.
Розы, смородина и резеда,
за руки взявшиесь, ведут хороводы,
здесь же фиалки и ландыши пьют
благоуханий пьянящие воды
и под стенами заздравные оды
радостной хижине этой поют.
О благодатные соки неспелой
нивы на вольных просторах земель!
О ликование девушки зрелой,
и возбужденье, и глупость, и хмель!
Это весна их опять и опять
льет из груди своей, чтоб повиликой
хижину в страсти бездумной великой
зелено-зелено крепко обнять.

Весна хижины

Фея грезы чашу поцелуя
сладостную поднесла мне ночью.
Я не знаю, как я расколдую
берега агатовые уст...
Я проснулся и увидел утро —
розовый благоуханный куст
с легкою игрою перламутра.
И хотелось утру, как дитяти,
вдаль идти, где ясно и светло.
И оно открыло мне объятья,
за руку взяло и повело.
И оно миры мне даровало
и небес чистейших покрывала.
И увидел я: голубизна,
поле и родник, а посредине
Хижина Весны стоит в долине,
а в дверях, среди цветов, Весна
Хижинны. Она сама была
как цветок, весна, чиста, душиста.
Грудь ее была цветком, бела,
и цветок — лилейного чела
ясность, и глаза цветы, и брови,
и тюльпаны щек, и нежных рук
жимолость... Цветник, молитвословье!
И она влекла меня, весна,
к поцелую, словно фея сна.

Песня

Шесть вечера. Хижину ветки ольхи
укрыли от зноя накидкой зеленою,
а ветер читает речушке стихи,

украдкой лаская прохладное лоно.
Пропала желаний тончайшая нить.
Сижу в забытьи подле ивы прибрежной,
задумчивый, в легкой печали, и вдруг
от хижины тянется соединить
минувшее с нынешним песнею нежной
закатного солнца спасательный круг.
О Хижина чудной Весны, все звончей
твой свет, столь желающий распространиться.
Поет неумолчно души моей птица,
попавшая в шелковый невод лучей.
Люблю, о Весна, твой высокий пример,
серебряный вал красоты и мечтанья,
чи брызги, как звезды, летят в мирозданье
души моей, в бездну таинственных сфер.

Осадок

Вечер мягок и чист, как прохлада,
вечер сладок и прян, как шербет;
вечер — чашу сnectаром — наяда
мне подносит как дар и привет.

К двери хижины, в светлую сень
унесите меня поскорее,
о сильфиды, по воздуху рея,
к двери хижины, в светлую сены!

Как душист в этой чашеnectар!
Он багрян, как закатное солнце.
Но темнеет. Увы, разобьется
чаша вечера, сладостный дар.

Не испить этой чаши до капли.
Там — виденье (ко злу или благу?),
там — осадок, и доля трудна —
дрожь по телу, и руки ослабли —

пить последнюю горькую влагу:
фея хижины плачет со дна,
и сгущается сумрак на сердце.

Плачет фея. Не знает она —
в ночь душа моя погружена.

Осень хижины

Сатиры похитили лиру ветров,
играют неистово, хохот и рев
в саду раздаются, и к музыке этой
закат подмешался, свинцов и суров.
Цветы одиноко грустят у пруда
в больших жестяных неуклюжих вазонах,
и красные капли с дерев, потрясенных
порывами ветра, стекают сюда.
И хижина горько смеется сквозь слезы,
и окна тоскуют о свете и сини,
и берег печален, и жалок, и пуст.
И как-то болезненно в этой пустыне,
подобная векам, лишенным ресниц,
повсюду цветет безымянная грусть.
Но в небе свинцовом надежда видна.
Меж тягостных туч, предвещающих грозы,
горит голубая полоска одна,
дающая хижине сладкие грезы
о прелести феи грядущей весны.

СТАТЬ БЫ МНЕ, СТАТЬ!..

Вечер

Этим вечером стать бы мне!
И касаться прохожих, и литься
Благодатным сияньем на лица, —
Этим вечером стать бы мне!

Этим вечером стать бы мне,
Полным шепотов, шелестов, кличей,
Человеческой речи и птичьей —
Этим вечером стать бы мне!

Этим вечером стать бы мне,
Нежным, тюлевым, благоуханным,
Точно занавесом златотканым
Колыхаться бы в тишине.

Этим вечером стать бы мне —
Фимиам курить благовонный,
Колокольные лить перезвоны, —
Этим вечером стать бы мне!

Этим вечером стать бы мне —
Вспыхнуть верою в меркнущем взгляде
Юной девы — как пламя в лампаде.
Этим вечером стать бы мне!

Этим вечером стать бы мне,
Полным бурь в океанах мятежных
И ветров сладкозвучных и нежных, —
Этим вечером стать бы мне!

Этим вечером стать бы мне,
Что смеjit свои ясные очи
На подушке плenительной ночи, —
Этим вечером стать бы мне!

Этим вечером стать бы мне,
Чья душа раздарить готова
Жар огня своего золотого, —
Этим вечером стать бы мне!

Ветер

Мне стать бы ветром, что ерошит волны,
И устремляясь к дальним берегам,
Напев любимый, сладкой неги полный,
Нашептывать усталым рыбакам.

Мне б улететь к седой вершине в гости
И над замерзшими в снегу всплакнуть,
Мне бы постигнуть, вея на погосте,
Небытия таинственную суть.

Мне стать бы зимним ветром, рвущим тучи,
И крик лачуг бедняцких слить с собой,
И низвергаться, как прибой гремучий,
В сердца людские, донося им вой

Роженицы, что мечется устало,
Голодный плач детей в ночи без сна,
Стон женщины, что сына потеряла
И чья душа во мрак погружена...

Хижина

На полевой дороге скромной
Иль под горой, в тиши укромной,
О стать бы хижиною мне,
Гостей нетерпеливо ждущей
Под лиственной зеленою гущей,
От многолюдья в стороне.
Стоять в закатных бликах алых,
Чтоб поздних путников усталых
Издалека приветить мог
Над крышей вьющийся дымок.

Встречать с радушьем непритворным
Всех, кто идет путем неторным,
И на приветствие в ответ
Им подарить тепло и свет,
Им подарить тепло и свет:
Уют гостеприимной сени,
Огонь, что в очаге поет,
И все плоды земли осенней,
Вино и молоко, и мед...

И долго слушать в час заката,
Как напевает глуховато
Гость из далекой стороны.
Мечтами сны его наполнить,
Едва в тиши задремлет в полночь
Гость из далекой стороны.
Когда ж заря его разбудит,
Меня благодарить он будет,
Гость из далекой стороны.
И вслед, светлея понемногу,
Глядеть, когда уйдет в дорогу
Гость из далекой стороны.

Зимой стоять под толстым снегом,
Быть приглашеньем во плоти —
Манить покоем и ночлегом,
Блаженством отдыха в пути.
Продрогшим на ветру суровом
Объятья радостно раскрыть
И приютить под теплым кровом
И утешеньем одарить.

О стать бы мне, о стать бы мне
На полевой дороге скромной
Иль под горой, в тиши укромной,
От многолюдья в стороне —
О стать бы хижиною мне!

ЖЕЛАНИЕ

Поэту Арташесу Арутюняну

Стать бы мне крутой дорогой горной,
Что упрямо рвется в высоту
И с вершины видит мир просторный,
Горизонта нового черту.
Унести бы мне туда с собой
Души, иссущенные тоской,
Чтоб они оттуда углядели
Даль мечты, где нега и покой
Убаюкивают, как качели.

И на горных гребнях цвета хны,
И в полях бескрайней желтизны
Мне б звучать ветров нестройным хором,
Тихим плеском ручьевой волны,
Гулом океанской глубины,
Бормотаньем ряби по озерам,
Звонким рокотом воды речной,
Что искрится ярче самоцветов,
Зовом беспредельности самой —
Чтобы низвергался голос мой
В души сиротливые поэтов.

В одиночестве глухи лесной
Стать бы мне прозрачной тишиной
На листве раскидистых ветвей
Или тропкой в рубищах теней,
Или же волнующей осанной
Родника, что пробиваясь к свету,
Дарит утомленному поэту
Ритмы новой песни несказанной.

Стать бы птицей, что поет с утра,
Чтоб лучи веселья и добра
Души тех поэтов озарили,
В ком угрюмо хохлится хандра,
Точно ворон черный на могиле.

Стать бы Цветом, Формой, Всплеском, Бликом,
Стать порфирой жизни, ясным лицом
Той мечты, что манит впереди.
И когда холодные дожди
Отгрустят, отплачут за окном, —
Высветлить ликующим огнем
Солнечных улыбок и приветов
Души сиротливые поэтов.

ЛИСТЬЯ ГОВОРИЛИ...

Ты лазурные родники
Золотой росой окропило,
Светом трепетным затопило
Волны озера и реки.

Золоти же и нас, о солнце, и нас!..

Улыбаешься, уронив
На холмы волшебные краски,
Не жалеешь тепла и ласки
Для густых колосистых нив.

Обласкай же и нас, о солнце, и нас!..

В тихих сумерках из-за туч
Вдруг прорвется твой пальчик-луч
И коснется на миг один
Юных дев и жен, и мужчин —
Засияют алые блики
Поцелуем на каждом лице.

Поцелуй же и нас, о солнце, и нас!..

Ты нам жизнь и свет подарило,
Ты надежда наша и сила,
Так помедли, не уходи!
На своей златострунной лире
Вновь сыграй и сонные шири

Нежной музыкой пробуди!
Подожди, помедли немного,
Без тебя нам так одиноко,
И пока не нахлынет мгла
И не сменит тебя бесстрастный
Лик луны, далекий и ясный,
Чьи лучи не несут тепла,
Напои нас жизнью, о солнце, всех нас, всех
нас!..

НА ПАСХУ ДЕРЖИТ ПУТЬ СВЕТИЛО

Как ярко-алое яйцо,
На Пасху держит путь светило.
Вот снова, снова обратило
оно ко мне свой долгий взгляд,
в котором жар, и страсть, и сила.
Шар животворный и живой,
венчающийся с синевой!
Он, словно лилия на глади
озерной, огненные пряди
на синем озере небес
поразметав как бог, как бес,
зенита песню привечает.
И небо снова излучает
восторг и страсть, и как обет
светила дивный самоцвет
оно в подарок получает.

В ВЕЧЕРНИЙ ПОЗДНИЙ ЧАС

В вечерний поздний час,
Когда последний луч уже угас,
Но все еще парит пушинкой грезы, —
Во всплесках родника — стенания и слезы.
В вечерний поздний час,
Когда в воде искрится, дотлевая,
Оттенков, красок радуга живая
И крылья обретает вдруг
Многоголосый шум вокруг;
В вечерний поздний час
Так явственно журчанье родника,
Зовущего к себе издалека
Слугу — бездомный ветер, чтобы тот
Взъерошил гладь его лазурных вод.
В вечерний поздний час
Так явственно журчанье родника,
Тягучее, как аллилуйя, —
Родник зовет, тоскуя,
Пасущихся на склонах
Овец медлительных и сонных,
Подобных издали сугробам снежным.
В вечерний поздний час,
В вечернем сумраке, пахучем и безбрежном,
Журчанье родника,
Сливаясь с шелестом листвы и ветерка,
Блуждает по округе, ожидая
Когда заря займется молодая.

ВЕЧЕРНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

БАРЫШНЕ НУАРДИК

Таить надежду, в сини раствориться,
Плоть обновить, как чешую змея,
Капризам узкой тропки покориться,
Окутать душу тишью забытья,

Окутать душу звездным светом, слиться
С вечерней дымкой, с музыкой ручья,
Услышать ветер, что поет как птица,
Всей сутью влиться в чудо бытия;

Стать другом полю, где звенит пшеница,
В саду среди плодов уединиться,
Позволить унести себя в края,

Где дышит лес, где тишина — царица,
В густой листве высоких крон укрыться,
В цветы влюбиться, светлую тая

Надежду — в этой сини раствориться...

ЛУНЕ-СЕСТРИЧКЕ

1

Вчерашней ночью ты, луна,
Вчерашней ночью ты забыла,
Мое окошечко забыла
Вчерашней ночью осветить,
И темнота висела в нем,
Как плотный занавес, — так было
Темно, но бодрствовал во тьме
Цветок любви и обожанья,
Не увядая в темноте
Дремотной — света не затмить.
Вчерашней ночью ты, луна,
Смущаясь, мимо проходила,
И я шептал тебе впослед
Среди полночной тишины:
«О, не забыла пышный сад
И виноградник не забыла,
Сияньем все напоены».
И посмотрел я на сирень,
На голубую, — не забыла
Ты протянуть из темноты
Ей ручку белую свою
И не забыла дымоход
Соседний — все посеребрила,

И отдаленную тропу,
И ту, что тянется к жилью...
Так! И сегодня, если куст
В тебе нуждается сильнее,
Чем я, и травы, и цветы, —
Пусть буду я тобой забыт, —
На крыльях радужной мечты
Я доберусь к тебе скорее,
Чем все, кто тянется к тебе,
Сквозь мрак пробиться не умея, —
Я дотянусь,
Хотя б твой лик
Был дымкой облачной прикрыт.
К тебе, к тебе я дотянусь,
Коснусь тебя, сестра-богиня,
И если даже в уголке
Моей души последний луч,
Из тех лучей, что собирал
Ночами лунными, сквозными,
Погаснет,
Все равно — прорвусь
Сквозь толщу самых темных туч!

2

Ах, ночью нынешней, луна,
Опять обласкан я тобою,
Мне в душу бабочкой ночной
Вспорхнул твой животворный свет,
Ты выше радуги ко мне
Явилась синей, голубою,
И в сердце песня ожила,
Я вспомнил имя
И тропою

Забытой вновь пошел туда,
Где давних дней
Утерян след.
И на развалинах души,
Как из расщелин в древних стенах,
Цветы волшебные взошли.
Ах, ночью нынешней опять,
Луна, пронизан я тобой,
И мрак растаял постепенно.
О как ты ласкова, луна,
Как золотиста эта прядь!
Скользнув по темному окну,
Ты прикоснулась к занавеске,
Латунь подсвечника нашла,
Лампаду в зеркале зажгла.
Как сладко нежилась моя
Душа в твоем лазурном блеске.
Прости, прости,
Что миг спустя
Я свет зажег движеньем резким.
Я не забуду, как со мной
Нежна была ты и светла!..

С КАКИМ УПОЕНЬЕМ...

Моему другу ГЕГАМУ БАРСЕГЯНУ

С каким упоеньем, восторгом и жаждой
деревья — и юные и вековые —
в лесах, и в горах и в расщелинке каждой,
на пустоши, в жите, в саду, у ручья
пьют в дождь, и в грозу, и в шторма снеговые
взахлеб и без устали свет бытия.

С каким упоеньем былинки и травы
глазами живущей мгновенье росы
глядят на ликующий свет величавый.
С каким упоеньем цветы в ожиданье
томятся и млеют, считая часы
до встречи с лучами, с их ласковой данью.

С каким упоеньем любая поляна,
и холм, и лужайка повяжет чело
тесьмою цветов пестротканой, желанной.
С каким упоеньем вернувшийся аист
по милым полям, где душе так светло,
тоску утолит наконец, озираясь.

С каким упоеньем, с какой изумленной
восторженной радостью в каждом саду
скворцы наслаждаются кроной зеленою.
С каким упоеньем и трепетом чайки,
паря над водою, в каком-то бреду
пьют свет — исступленно, спеша, без утайки.

С каким упоением, брачное ложе
устроив в прохладной тени дерева,
ждет горлица, ждет не дождется самца.
С каким упоеньем над озером дрожи
нежнейшей сирени, где путь его лег,
раскинул крыла-паруса мотылек.

С каким упоением над пестроцветьем
лугов и полей поспешает пчела
к соскам жизнетворным красавицы феи.
С каким упоением думает ветер:
он — ветер, гора — что стара и бела,
река — многоводна, а роща — юна,
родник — что он всех веселей и живее,
а ива — что всех безутешней она.

С каким упоеньем набухшие тучи,
излив несравненную влагу свою,
с землею братаются в тяжкую пору.
С каким упоением в каждую пору
все те, кого зной иссушающий, мучая,
губил, задыхаясь от жажды, тягуче
вбирают в себя дождевую струю.

С каким упоеньем в начале весны
душа обоняет тимьяна и мяты
и чабера ладанные ароматы
и запахи клена, платана, сосны.

С каким упоеньем объемлет она
всех красок и форм неизбывное чудо,
всё сущее в мире во все времена,
и Бога, который во всем и повсюду,
и жизнь, жизнь, которою упоена.

*Из других
стихотворений*

ДАЙ, ГОСПОДИ, МНЕ...

(«Отче наш» современного человека)

**Не за себя — за других радость дай, Господи, мне,
стану ее собирать, словно цветы по весне,
долгой дорогой во всех взглядах, везде, каждодневно.**

**Не за себя — за других радость дай, Господи, мне,
если ребенок ее видит в бенгальском огне,
я уловлю на лице, яркой улыбкой согретом.**

**Не за себя — за других радость дай, Господи, мне,
я ее, как бубенцы, в каждом повешу окне,
ую, как пестрой тесьмой, каждую дверь увенчаю.**

**Не за себя — за других радость дай, Господи, мне,
факел ее вознесу в мрачной ночной вышине
и освещу темноту каждой убогой лачуги.**

**Не за себя — за других радость дай, Господи, мне,
станет отныне она храмом моим; в тишине
мыслям своим воскурю я ее, словно святыне.**

**Не за себя — за других радость дай, Господи, мне,
да не устрою я пир, чтоб от беды в стороне
вопли и плач заглушить радостным грохотом бубнов.**

Не за себя — за других радость дай, Господи, мне,
да не укрою я песнь, как в одиночке, на дне
горестной, скорбной души, солнца лишенной и света.

Не за себя — за других радость дай, Господи, мне,
хлебом да не утолю голода наедине,
пусть он насытит двоих, светлым крестом осененный.

Не за себя — за других радость дай, Господи, мне,
ею — жезлом по скале — гряну по толстой стене
сердца, и ключ забурлит радости и благодати.

Не за себя — за других радость дай, Господи, мне,
сетью закину ее и поведу по волне
и, как сохой, подниму борозды ею на пашне.

Не за себя — за других радость дай, Господи, мне,
ливень ее изолью по неоглядной земле,
солнце ее раздарю всем горизонтам на свете.

Не за себя — за других радость дай, Господи, мне,
с нею вдвоем идеал стану искать, как во сне,
плот из нее сколочу — плыть океанами Света.

Не за себя — за других радость дай, Господи, мне,
в душах рабочих, крестьян вижу ее, и вдвойне —
в душах детей, стариков, девушки юных и чистых.

Не за себя — за других радость дай, Господи, мне,
я ее буду искать в каждой душе и стране,
в каждом живом существе, в каждой частице живого.

Я ее буду искать в поле, горах и теснине,
в роще, лесу и саду, на небе, в море, пустыне,
в келье, лачуге, дворце вечно и присно и ныне.

Не за себя — за других радость дай, Господи, мне.

ПИСЬМЕЦО

Ночь, слаще меда с молоком, через окно
Струится в комнату, и жимолость, мечтая
Увидеть комнату, ползет по стенам, но
Не дотянуться ей, заглядывает с края,
Привстав на цыпочки, душистый аромат
Струя, в тенистый угол тот, где, сняв халат,
Мечтает девушка, прижав к груди бумагу, —
Бог знает, где ее отсутствующий взгляд
Блуждает; вот она, сказав себе: прилягу, —

Ложится. Жарко ей. Тогда она, рукой
Горячей скомканное сбросив покрывало,
Встает и в зеркале является нагой —
Змеятся волосы, рука к груди прижала
Письмо; пшеничный сноп так бел и золотист, —
Глядится в зеркало, его довольна лестью,
Стоит, к груди прижав бумажный белый лист,
Письмо заучено и дышит сладкой вестью.

Скользит прядь шелковая по ее груди,
Сосок трепещущий волною обтекая;
Ах, письмеко в руке заветное, почти
Что пламенеющее, — тьма вокруг густая,
Но так услужлива полночная луна,
Что луч серебряный, пронизывая штору,
В руке у девушки, стоящей у окна,
Легко высвечивает текст, открытый взору.

БЕЗУМЦЫ

1

В закатном пламени он руки распростер
и ловит зарева прощального костер.
Но разлетелись — ни ответа ни привета —
большие птицы ускользающего света.

Он весь в огне, и он лицо бы окропил.
Чем? Пеною морской, на белых птиц похожей.
Как бешеный кабан вскочил. Мать встала тоже,
и обняла его, и охладила пыл.

«Безумец!» — говорят привычно и знакомо,
с жестокой жалостью. И за дела опять.
Одна и бледная, как бледность окоема,
дитя своей весны оплакивает мать.

Она оплакивает горький жребий сына
и думает, что сын, пожалуй, счастлив тем,
что там, где всем видны шипы или трясина,
он для себя обрел и розы, и эдем.

А сын в объятьях материнских поутых.
Доволен, будто жизнь прекрасна и сладима.
Он хочет быть один, бежать неукротимо
бог ведает за кем. За феей грез своих.

И, стоя у воды и глядя на закат,
мечтает он подчас на ощупь, наугад —
неведомо кому раскрыл свои объятья
и руки распростер, как будто на распятье.

Как будто на кресте, чья тень в закатный час,
когда туманна даль, вся в розовых разводах,
как привиденье, отразится в синих водах,
в печальной сини материнских глаз.

2

Простоволос и бос, не видя в том беды,
на инее, во тьме, при свете на балконе
он слушает, слегка нагнувшись, как в поклоне,
свириль, которой нет, и дальний плеск воды.

Он смотрит, как бегут морских валов ряды,
и чудится ему, что он не посторонний:
его свириль — творец всех песен и гармоний
и всё, что слышит он, — ее игры плоды.

И кажется ему великой, изначальной
и подлинной ее душа, напев печальный.
Он устремляет вверх свой опьяненный взор.

Но стоит на него взглянуть, и он, как вор,
бежит к себе, где жизнь, увы, совсем иная,
по голосам людей себя припоминая.

3

Он ждет еще, а мысль во мрак погружена
и бездна перед ним. Но ищащие взгляды

кидает он окрест — не видно ли отрады,
ужель его навек покинула она?

Словцо сочувствия сказал бы кто-нибудь,
лампадку нежности затеплив яркозвездно,
и он бы разглядел — ах, не беда, что поздно! —
во мраке этом вновь любимый давний путь.

Он ждет еще, а мысль во мрак погружена.
Он у воды сидит на валуне, и, близок,
его в пучину, вглубь влечет престанный призрак,
а бездна воплями людей оглашена.

Святые, где вы, эй?! Ищите же его!
Что ваша жалость, и молитвы, и расспросы!
Бог тот, кто осушил у страждущего слезы.
Отрады бы чуть-чуть! И больше ничего.

Он ждет еще — а мысль во мрак погружена —
горенья милых глаз, зажженного любовью,
движенья милых губ, столь чуждых суесловью...
Он Жизни ждет еще, а Смерть ему страшна.

«Безумец!» — вслед ему, как черное тряпье,
бросают, будто слов иных не знают боле,
и поспешают жить — ах, их житье-бытье! —
а ближний обречен неразделенной боли.

Он ждет словца любви — вдруг скажет кто-нибудь.
Он ждет еще, он ждет — ах, не беда, что поздно!
Он ждет, что озарит надежда яркозвездно
во мраке этом вновь любимый давний путь...

ВИДЕНИЕ

Бывает, облачное небо прояснится
и озеро возникнет — там, над морем
моей души лучистой,
и улыбаются они одно другому,
как две сестры, как два цветка
нездешних, издали, сквозь дрему
и марево, и ветерка
дыханье, теплое как нежность,
сближает их, сближает — море
и озеро.

И островок на озере возникнет
коралловый, а в вышине
невесть откуда облачко возьмется
немыслимых оттенков — никнет, никнет
и наконец под ярким светом солнца
становится цветком, и птицей, и взглядом, и улыбкой.

Моя мечта — огненнокрылый мотылек —
летает в цветнике души твоей.
Тот островок коралловый далек,
и вот на нем внезапно
ты появляешься, прекрасней фей.

Но ты пришла, и облик стал земным,
и волосы твои под стать нарциссу,
чело — как снег вершин, когда над ним
еще горит закат, а снизу
уже смеркается; твои глаза — аллеи,
где, легкая и вольная, поет
моей отрады птица;
губы у тебя —
каемка позолоченная чаши,
куда склоняются
лаванда, мак, и роза, и тюльпан, и вешний
цветок — кувшинка...

ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ

Ты по снегу идешь, подснежник светлый мой,
и в лад шагам твоим — звон мерный колокольный,
и в ранний этот час такой покой привольный,
что святостью его глаза свои омой!

Ты по снегу идешь, подснежник светлый мой,
и слушаешь слова молитвы незнакомой,
и пахнешь мирой ты, и дышишь ты истомой.
Из церкви слышится: «Приидет день седьмой...»

Ты по снегу идешь, подснежник светлый мой,
по снегу моего внимающего сердца.
О, песню сочини, чтоб спеть ее самой...
Ах, как ты хороша, глядеть — не наглядеться!

ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ

О, живость жестов и речей
в твоем присутствии желанном!
Так в цветнике благоуханном
бурлит и пенится ручей.

Я, как и он, все горячей
в каком-то опьяненыи странном.
И вот впадает безымянным
в реку души твоей ручей.

И сердца моего ручей
ты мукам предаешь и ранам
и руслом смерти бездыханным
уносишь в океан ночей.

УТРО

О, если б этим утром быть
и бурным половодьем света
мрак одолеть и затопить!

И где видна несчастий мета,
вожечь светильники привета —
о, если б этим утром быть!

В наряды яркого шитья
оденься, словно утро, я,
богатств своих не утая,
вернул бы радость бытия
любому страждущему где-то.

Ах, стань лишь этим утром я...

Сердцебиение

РАНА ТЕЛЕСНАЯ, РАНА СЕРДЕЧНАЯ

Рана телесная, след ножевого удара, —
Стонешь в слезах, не унять нестерпимого жара,
Мечешься в муках. Тяжка, как небесная кара,
Рана телесная, след ножевого удара.

Рана сердечная? Это мучительней, Боже!
Это страшней, чем кровавые язвы на коже.
Жалок, отвержен, истерзан, покинут — за что же?..
Рана сердечная — это мучительней, Боже!

Рана телесная худшего не обещает,
Нет у нее колокольчика, что предвещает
Звоном своим наш последний, наш гибельный час.

Умыслы раны сердечной темны и ужасны —
Пытка до самой могилы. И слезы напрасны:
На небесах исцеленье таится от нас.

ПАМЯТЬ

Памяти К. МКРТЧЯНА

Лишь ветры зимней стужи отошли,
Весна пришла с улыбкой и дарами;
Зеленые побеги проросли,
Цветы раскрылись пышными рядами.

Но его память, ах, в глухой тиши
Земной осталась после погребенья.
Жизнь имени покинутой души
Покрылась ранней плесенью забвенья.

НОВЫЙ ГОД

Одетый в траур новый год земли
Ждет с нетерпеньем утреннего света.
Родных и близких взяли-унесли
Минувший год и прожитые лета.
Подарок новогодья — лунный блик
Лежит на кровлях. Стариковских сказов
Раздумчивость и детский первокрик
Легли в замысловатый мелос хазов*.
Сердца почтенных старцев и детей
Во власти лихорадочных страстей —
Одно нетерпеливое пыланье,
Где сплавлены надежды и желанья.
Но затухают клики и огни,
Ушедшие страдания и дни,
И Новый год, прекрасный искони,
Так близок — только руку протяни!

*Хазы — древнеармянская нотопись.

МЕЧТАНЬЕ НОЧИ

В час предрассветный видит ночь в мечтанье
Рассвета ясного вишневые уста;
Светло смеются звезды ликованья,
И синева торжественно чиста.

Но вдруг в кошмаре бездна ей приснится,
В сон о заре негаданно войдя,
И лишь стенанье ветра прекратится,
Как хлынут слезы бурные дождя.

ВЕНКИ

Памяти Г. ШАГИНЯНА

Еще не насладившись утром грез,
Ты, как свеча, угас в той круговерти
Листвы и ветра; ветр тебя унес
И приобщил к ужасной пляске смерти.

Венки цветов — в знак памяти своей —
Пошлю я положить к твоей могиле.
Роса на них — из слез моих очей.
Венки от друга дальнего сложили.

ВЗДЫХАНИЯ БОЛЬНОГО

(Утренняя песня)

1

Подобно пичуге малой,
Томящейся взаперти,
Желаний прибой усталый
Стихает в моей груди.

За окнами — листьев глянец,
Разливы лучей шальных,
А в сердце траурный танец
Напевов моих больных.

И сдавленным криком птицы,
Дошедшим издалека,
В немоющи нот влачится
Песен моих тоска.

2

Лучи зоревого солнца
Лазурь небесную ткут,
И вот уже песней льется
Полдневный гомон и гуд.

Я слышу поступь прохожих:
Стучат, стучат каблуки,
А эхо дробит и множит
Поспешные их шаги.

Незримо связано с ними,
Забывается сердце в тоске,
Зальется слезами немыми...
А из окна вдалеке

Оргáна скорбные звуки
Прольются вдруг в тишине,
Неся безысходность муки
И сердце терзая мне.

3

Я мучаюсь дни и ночи,
Стенаю, недуг кляня,
О том, что жизнь все короче,
А радость бежит меня.

Неужто он не вернется —
Безоблачных дней расцвет?
Неужто в грудь не вольется
Живительной воли свет?

Но верю: пора настанет —
На мир с улыбкой взгляну,
И солнечный луч проглянет
Сквозь тяжких дум пелену.

И вновь будет жизнь прекрасна,
И крылья новой мечты
Из сердца изгонят властно
Кромешный мрак немоты.

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ ЦВЕТКА

Пусть создает поэта гений
Стихи, которым жить века, —
Они едва ли совершенней
Четверостишия цветка.

Прекрасны образы поэта,
И все-таки прекрасней он, —
Цветок, что из теней и света,
Из дивной музыки сплетен.

И златоткаными крылами
Над лепестками шелестя,
Витает образ перед нами —
Любви и нежности дитя.

Витает, пламенно алея,
Стих, что бесценней всех даров.
Он сердцу моему милее
И ближе рукотворных строф.

ОТКАЗ

Один твой поцелуй — и я на гребне счастья.
Но тщетно ждал я от тебя участья:
Ты мне в лицо швырнула свой отказ,
Ты все мои мечты втоптала в грязь.

Напрасно ждал я от тебя участья.
Ты погрузила в черное ненастье
Моей улыбки лучезарный свет, —
И с той поры мне утешенья нет.

Ты мне в лицо швырнула свой отказ —
Ушла из сердца кровь, и свет в глазах погас.
Отказ — холодный кнут — принес печаль и стужу,
И в черный саван обернул мне душу.

Ты все мои мечты втоптала в грязь,
Тоска в руинах сердца завелась.
Я выпил яд из твоего стакана,
И кровью плачет сердце беспрестанно.

ПЕРЕД СУМЕРКАМИ

Мне в полудреме сад навеял грезы
О песне жизни — яркой и цветной.
И в радуге дрожали капли-слезы,
Расцвечивая мир бесценный мой.

Переживанья дня — в круговороте
Мечты моей — свели мечту на нет.
И я увидел жизнь без позолоты.
Иллюзий нет. Зияет раны след.

Уж сумерки... Как быстро меркнут тени!
Не жду я встречи с утренней мечтой.
Любовь разгульная ей растворила вены.
Лишь боль моя осталась здесь со мной...

ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Цветы осенние тускнеют, как закат
Бездомных душ, покинутых навеки.
Их сладкий и надменный аромат
Похож на вздох последний человека.

Неяркие осенние цветы
Тускнеют быстро, как листва сухая,
Благоуханье нежной их мечты
Уносит ветер, дико завывая.

Последний отблеск солнца без лучей
Вот-вот погаснет в темном лоне тучи.
Цветы осенние, как островки свечей,
Накроет снег холодный и сыпучий.

И сердце, что страдало от любви,
С кровоточащей, смертоносной раной,
Накроет снег бесчувственный, увы, —
Цветы осенние тускнеют слишком рано...

РАЗЛУЧЕННЫЕ СЕРДЦА

Вокруг зефир снует, поет,
Улыбкой лица освежает,
В союзе с морем небосвод
Лазурь чудесную рождает.

Благоуханья в тишине
С собой приносят оживленье,
И исцеляет раны мне
Живительный разгул волненья.

Душа моя цветет, как сад:
Так соловей поет на воле.
В ней лиры без конца звучат,
И песни их не знают боли.

* * *

Ушли, минули, словно сон,
Тоской заполненные годы,
Со дня, когда размолвки стон
В сердца ворвался непогодой.

Слезинка боли иногда
Смятенье принесет с собою;

Порою мрак души звезда
Пронзит надеждой голубою.

Но и размолвке есть конец.
О, сколько нежности и рвенья
В союзе любящих сердец,
Так жаждавших соединенья!

* * *

Меня баюкают мечты
Своим размашистым простором.
Долины, горы и мосты
Пересекаю зорким взором.

Предвижу радость, торжество.
Надежду сладкую лелею
И жду прихода твоего
С заветной песнею своею.

Душа моя цветет, как сад:
Так соловей поет на воле.
В ней лиры без конца звучат,
И песни их не знают боли.

ТРОПА ЛЮБВИ

Нежнейшая тропа любви и обожанья,
шелковая тропа ведет меня сквозь мрак
и, незабвенная, струит очарованье,
навеки окрыляя каждый шаг.

В густых шелках цветут томительные соки
и пламенные девы под венец.
Я там сложу восторженные строки,
ревнивый страстотерпец и певец.

А если черный день когда-нибудь нагрянет,
и у меня тропу отнимут навсегда,
и солнце златокудрое увянет,
и ночи звездные расстают без следа,

я новую тропу найду и буду вечно
к божественной любви стремиться напрямик,
довольно, что душа, страдая бесконечно,
лелеет блеск ее, как незакатный миг.

ТВОЯ ПАМЯТЬ

Удары волн о берег каменистый
Во мне рождают сладкую мечту.
В душе усталой луч надежды чистый
Дарует мне навеки красоту

И нежную лазурь родного моря.
Ах, этот луч! Он сделал мир светлей.
Смеются волны над мечтой, над горем
И жаждой жить больной души моей.

Моей душе блаженный сон покоя
Приносит животворная слеза.
Сойдя с портрета и взмахнув рукою,
Ко мне подходишь, и ясны глаза.

Вдруг вижу я — в порыве чувств смятенных —
Бесплотный лик. Он вновь меня потряс.
И к памяти святой и незабвенной
В тоске я приникаю каждый раз.

ОСЕННИЙ ОКЕАН

Могучий океан страдальческой поры,
мечтатель вечно хмурый и гневливый:
в горячке волн печаль пылает изнутри,
и плачутся приливы и отливы.

В заоблачную высь провалов ледяных
он устремляет взгляд пугливо и тревожно,
он борется с собой, покинутый жених,
и морщит лоб, тоскуя безнадежно.

И гонит боль свою к подводным валунам,
что на него взирают равнодушно,
не доверяя трепетным волнам.

И люди мчатся мимо с давних пор,
не зная, как страдает он недужно,
великий мученик, бездомный фантазер.

ОЖИДАНИЕ

Стоустые ростки желанья
вмиг исчезают, в тот же срок,
когда приходит ожиданье.
И я как прежде одинок
в своих раздумьях бесконечных.

Они, бушуя и вихрясь,
меня в пучину низвергают,
то дразнят грезами, смеясь,
а то печально уязвляют
в своих причудах бессердечных.

И в пенном грохоте прибоя
и на песчаном берегу
я грежу призраком, тобою,
и надышаться не могу.
За горизонтом ты бесплотным.

И не вернется к нам любовь
ни многократно, ни однажды,
и может, исчерпавши боль,
я обезумею от жажды
в бреду жестоком и бесплодном.

ПРИДИ

(Песнь любви)

Приди! Нарушь однообразье дней,
Дай мне почувствовать надежду, умиление.
Наступит день, когда душе твоей
Мечты ушедшие оставят лишь смятенье.

Приди! Ты не избегнешь увяданья,
Недолго жить душе моей больной.
Оставь мне светлый трепет обожанья.

Дай выпить пламя солнечного взгляда,
Приди ко мне, цветок заветный мой,
Твой поцелуй — мне лучшая награда.

Ах, дни мои так медленно текут!
Приди, разведи души усталой скуку.
Мечта моя — последний мой приют,
Мне нежность сердца чистого порукой.

ПЕТРОС ДУРЯН

Из темных глубин, из-под мраморных плит,
Забыв и покинув земную тщету,
Присущую духам познав высоту,
С бесстрастностью вечности гений глядит.

Он умер, а песня любви все звучит
И в душах живущих рождает мечту.
И лиру, и песен его красоту
Нетленная память навек сохранит.

Он, кроме тревог, не унес ничего,
И в памяти будет он вечно живым,
Как зелень листвы над могилой его.

Как ветер в ветвях, восхищенье шумит
Над ним незабвенным, и мы сохраним
Навек его образ. Так сердце велит.

СОДЕРЖАНИЕ

Стать бы мне!.. Вступительная статья Р. Давояна	
Перевод Г. Карапетяна	5

Радуга

Ясная зимняя ночь. Перевод Г. Кубатьяна	21
Любовная песня («Ночь сладостна...»).	
Перевод Г. Кубатьяна	23
Искры. Перевод Г. Кубатьяна	24
Мерцание. Перевод Г. Кубатьяна	25
Ночная мелодия. Перевод С. Ботвинника	26
Минуты мечтаний. Перевод С. Ботвинника	28
Сон шелкопряда. Перевод Г. Кубатьяна	30
Родные картины. Перевод Г. Кубатьяна	31
Под сенью акаций. Перевод Г. Кубатьяна	32
На рассвете. Перевод В. Брюсова	33
Забытье на берегу. Перевод Г. Кубатьяна	34
Стремится вечер на покой. Перевод В. Пальчикова	35
Мечтательная безмятежность. Перевод Г. Кубатьяна	36
Песнь возвращения. Перевод А. Налбандяна	37
Приступы боли. Перевод Г. Кубатьяна	38
Приступы зноя. Перевод С. Ботвинника	39

Осенний вздох. Перевод Г. Кубатьяна	41
Шествие ветра. Перевод Г. Кубатьяна	43
Сонатина. Перевод Г. Кубатьяна	45
Минуты. Перевод Г. Кубатьяна	47
Песня рассвета. Перевод А. Кушнера	48
Сумерки. Перевод Г. Кубатьяна	49
Челны. Перевод Г. Кубатьяна	50
Волшебство кристалла. Перевод А. Налбандяна	51
Солнцу. Перевод Г. Кубатьяна	53
Предрассветное. Перевод А. Налбандяна	55
Под сенью ив. Перевод Г. Кубатьяна	57
Ночь ясна. Перевод Г. Кубатьяна	60
Вечерние голоса. Перевод В. Пальчикова	62
В утреннем солнце. Перевод А. Налбандяна	64
Голубые странствия. Перевод Г. Кубатьяна	66

Новые песни

От родника. Перевод А. Налбандяна	71
Полив. Перевод А. Кушнера	73
Богоматерь. Перевод Г. Кубатьяна	75
По поводу. Перевод Г. Кубатьяна	77
Дождь. Перевод Г. Кубатьяна	79
Ликование снегов. Перевод Г. Кубатьяна	80
Две свирели. Перевод Г. Кубатьяна	81
Безымянное. Перевод Г. Кубатьяна	82
Рассветное. Перевод А. Кушнера	83
Пастораль. Переводы Г. Кубатьяна	84
Хижина весны	84
Весна хижины	86
Песня	85
Осадок	86
Осень хижины	87

Стать бы мне, стать!.. Переводы А. Налбандяна	
Вечер	88
Ветер	89
Хижина	90
Желание	92
Листья говорили... Перевод А. Налбандяна	94
На Пасху держит путь светило. Перевод Г. Кубатьяна.....	96
В вечерний поздний час. Перевод А. Налбандяна	97
Вечернее желание. Перевод А. Налбандяна	98
Луне-сестричке. Перевод А. Кушнера	99
С каким упоением... Перевод Г. Кубатьяна	102

Из других стихотворений

Дай, Господи, мне... Перевод Г. Кубатьяна	107
Письмцео. Перевод А. Кушнера	110
Безумцы. Перевод Г. Кубатьяна	111
Видение. Перевод Г. Кубатьяна	114
Любовная песня («Ты по снегу идешь...»)	
Перевод Г. Кубатьяна	116
Любовная песня («О, живость жестов и речей...»)	
Перевод Г. Кубатьяна	117
Утро. Перевод Г. Кубатьяна	118

Сердцебиение

Рана телесная, рана сердечная.	
Перевод А. Налбандяна	121
Память. Перевод Г. Баренца	122
Новый год. Перевод Л. Григорьяна	123
Мечтанье ночи. Перевод Г. Баренца	124
Венки. Перевод Г. Баренца	125

Вздыхания больного. Перевод А. Налбандяна	126
Четверостишие цветка. Перевод А. Налбандяна	128
Отказ. Перевод Г. Баренца	129
Перед сумерками. Перевод Г. Баренца	130
Осенние цветы. Перевод Г. Баренца	131
Разлученные сердца. Перевод Г. Баренца	132
Тропа любви. Перевод Н. Кремневой	134
Твоя память. Перевод Г. Баренца	135
Осенний океан. Перевод Н. Кремневой	136
Ожидание. Перевод Н. Кремневой	137
Приди. Перевод Г. Баренца	138
Петрос Дурян. Перевод Н. Поляковой	139

МИСАК МЕЦАРЕНЦ

Зимняя ночь

Стихи

Редактор *Джагетян Р. О.*

Художник *Гаспарян Дж. Е.*

Худ. редактор *Гюланян Ф. А.*

Техн. редактор *Шахвердян С. Г.*

Контрольные корректоры *Хачатрян М. Ц.*

Егиазарова И. Г.

ИБ № 5265

Сдано в набор 08.10.86. Подписано к печати 05.03.87. Формат
70×100¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсет-
ная. 5,9 усл.-печ. л., 6,12 усл. кр. отт., уч. изд. 3,85 л. Тираж 25000.
Заказ 5774. Цена 50 коп.

Издательство «Советакан грох», Ереван — 9, ул. Теряна, 91.

ТИПОГРАФИЯ ЦВЕТНОЙ ПЕЧАТИ

Госкомитета по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Армянской ССР
Ереван — 82, пр. Адмирала Исакова, 48.

50 коп.,

«Советакан грох»,